

ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН

ТРЕХГЛАВЫЙ
ОРЕЛ

ЗВЕЗДАНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Трехглавый орел

«Владимир Свержин»

2001

Свержин В.

Трехглавый орел / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2001 — (Институт экспериментальной истории)

Перед вами – первое собственное дело легендарного своим хитроумием сотрудника Института Экспериментальной Истории по прозвищу Лис. В смысле – дело, ставшее для Лиса собственным далеко «не от хорошей жизни»! Всего-то и надо – переправить своего коллегу-оперативника из Англии в российский «век золотой Екатерины». Не скучно ли? Ну а что – если?! И вот пугачевские казаки отправляются, пардон, подавлять Войну за независимость в Новом Свете, да так при этом и норовят, подлецы, присоединиться к повстанцам! И вот уже индейцы братаются с «мордвой и калмыками», граф Калиостро сам уже не вполне соображает, «об что колдует», а княжна Тараканова, в порыве идиотизма освобожденная из Петропавловской крепости, мешает жить и героям, и злодеям – в равной степени. И гордо реет над вольными штатами «Америки – Руси Заморской» новый герб – орел... трехглавый!!!

© Свержин В., 2001

© Владимир Свержин, 2001

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	40
Глава седьмая	48
Глава восьмая	56
Глава девятая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

*Часть скандала обычно остается в тени,
И это всегда его лучшая часть.*

Правило тени

Пролог

Самое время посмотреть, что можно сделать из этого полена?
Папа Карло

Взвился лиловый плащ, блеснув золотым шитьем, взвился, пугая пламя на свечах, будто бы обещая явление кролика из шляпы фокусника, да так и опал никчемной дорогостоящей тряпкой, не явив миру обещанный сюрприз и, что самое главное, даже не коснувшись моего клинка.

– Ну и что это было? – Я болезненно поморщился и поднял шпагу. – Милостивый государь, если бы на моем месте была ваша барышня и ей внезапно стало дурно, тогда бы вы могли помахать над ней своим плащом подобным образом. Соберитесь, черт возьми!

Мой оппонент виновато шмыгнул носом и украдкой бросил взгляд на ряд стульев у стены зала, где в ожидании своей участи томились пятеро таких же, как и он, кадетов оперативного состава Международного Института Экспериментальной Истории.

– Показываю еще раз! Наблюдайте внимательно. Вас, господа, это тоже касается. – Я кивнул в сторону остальных учеников. – Итак, ангард!

Наши клинки сошлись и зазвенели, то встречаясь, то вновь расходясь в страстном своем желании достать противника. Вот и пробил час, вот он, долгожданный выпад! Моя рука, сжимающая плащ, рванулась вперед змеей, обвивающей ветку, и в тот же миг я развернулся влево, уводя ее прочь. Жалобно звякнул об пол вырванный из руки противника клинок, и взгляды кадетов сошлись на нем. Всех, кроме того, что стоял напротив меня. Он философски созерцал выгнувшуюся стальную полосу моей шпаги, упирающуюся в стеганный кожаный колет как раз напротив его сердца.

– Все понятно? – В ответах кадетов не было слышно уверенности, но это как раз было в порядке вещей. Чтобы до конца понять премудрости фехтовального искусства, их надо почувствовать, пропустить через себя. Я поглядел на смущенные лица учеников, почему-то стараясь припомнить время, когда и у меня была такая вот нелепо хлопающая глазами физиономия. Да, давненько, лет двадцать назад. – Ладно, господа кадеты, взяли оружие, разобрались по парам. Не торопитесь, каждое ваше движение должно быть осмысленным...

– Bravo, bravo! – Эти слова, произнесенные слегка насмешливым тоном, сопровождались жидкими аплодисментами.

Я бросил хмурый взгляд в сторону нарушителя дисциплины. Он стоял у входа в зал, безукоризненно элегантно и благоухающий смесью дорожущего одеколона и виски «Блэк Джон Уокер». Видение моего фехтовального детства вновь предстало передо мной во всей своей незаурядной красе. Видение это звали Джозеф Рассел. С тех пор как мы когда-то такими вот же вислоухими щенками стояли друг напротив друга с клинками в руках, время прибавило ему титул Двадцать третьего герцога Бедфордского и должность представителя ее величества в стенах нашего славного Института.

– Мальчики, порезвитесь пока сами, – бросил он кадетам, уже стоящим в ожидании сигнала со шпагами и масками в руках. – У вашего учителя возникло неотложное дело, – закончил герцог тоном, не допускающим возражений.

Я только молча пожал плечами. Спорить с лордом Расселом было так же бесполезно, как уговаривать компьютер танцевать качучу. Что-то около года назад он вот таким же образом

возник в форте Норич, где в меру сил своих трудился я, обучая будущих лейтенантов королевской морской пехоты рукопашному бою и работе с оружием, и увез меня, как в горах Кавказа увозят невест отважные джигиты.

Судя по тому, что с тех пор их светлость ни разу не соизволил спуститься ко мне в зал и лишь изредка обрушивался на мою холостяцкую хижину в закрытом институтском городке, у меня действительно внезапно возникло какое-то срочное дело. А потому я лишь пожал плечами, велел кадетам продолжать тренировку и отсалютовал шпагой наместнику королевы, выражая готовность следовать за ним в любом направлении.

– Со свечами это ты хорошо придумал, – помолчав немного, произнес Рассел, когда мы с ним уже шли по коридору. – Пусть привыкают к необычной освещенности. Свечи, мебель, там это все пригодится.

– Где там? – не совсем понимая, о чем идет речь, осведомился я.

Честно сказать, за время работы в Институте я так толком и не разобрался, чем же, в конце концов, занимаются люди в этом странном заведении. Первое время я шарахался от живописных персонажей, бродящих по тенистым аллеям институтского парка. Все эти бородачи в тогах а-ля Цезарь, толкующие о скачках Дерби с вельможами императора Наполеона, все эти дамы в кринолинах, жующие на ходу сэндвичи, все это подозрительно напоминало мне лечебницу для душевнобольных. Но ко всему привыкаешь. Тем более что мои робкие попытки разузнать побольше об учреждении, в котором довелось работать, наталкивались на стену куда как более непроницаемую, чем та, что отделяла административно-служебный корпус, где находился мой зал, от остального институтского корпуса.

Сотрудник службы внутренней безопасности, приведший на обучение одну из первых партий кадетов, на мой вопрос, кому и для чего понадобилось учить этих, вполне уже взрослых мужчин владеть алебардой, двуручным мечом и фальшионом, кинув косою взгляд на две красные полосы, украшавшие висевший у меня на груди бейдж, кратко отрезал: «Не положено!» «Ну а уж коль не положено, так, стало быть, и не съедено. А если не съедено, значит, на то причины есть. Ну и зачем же тогда мне это нужно? Не стану же я на самом деле есть причины». Как говорил один мультяшный и обаятельный дракончик.

Так вот, поскольку есть причины мне вовсе не улыбалось, а другую достойную работу пришлось бы еще поискать, причем с гадательным успехом, я умерил свою жажду знаний, оставляя времени и случаю удовлетворить мое законное любопытство.

– Так где – там? – повторил я вопрос, так и не дождавшись ответа от Джозефа на предыдущий.

– М-м... Как бы тебе это объяснить... В прошлом.

Я понял, что мои подозрения о психиатрическом уклоне нашего Института были-таки небезосновательны.

– Где?.. – переспросил я, надеясь, что эхо в коридоре страдает дефектом дикции.

– В прошлом, – вновь подтвердил услышанное Рассел. – Точнее, не совсем в прошлом. В иных мирах. Впрочем, объяснить это невозможно. Скоро сам все увидишь.

Глава первая

*Уходя на тот свет, гасите этот.
Плакат электрокомпании*

Я сидел в глубоком кожаном кресле в кабинете моего старинного друга Джозефа Рассела и, созерцая стакан налитого мне балентайна, пытался смириться с мыслью, что на этом свете я уже не жилец. Мысль была какая-то угловатая и потому в голове не укладывалась.

– Послушай меня, тридцатилетний капитан. – Джозеф поставил на инкрустированную столешницу бокал с той силой, с какой ставят печати на судебный приговор. – Что тебе, собственно говоря, не ясно? Когда-то ты узнал, что в мире существуют люди, кроме твоей родной семьи. Потом оказалось, что за стенами твоего родового гнезда тоже не бушуют волны Мирового океана. Ты знаешь, кроме Британской империи, на свете существует еще пара государств. Тебя это смущает?

Я отрицательно покачал головой.

– Великолепно! – обрадовался Рассел. – Тогда я тебе открою страшную тайну. Кроме нашей планеты, вокруг Солнца вращается еще дюжина.

– Меньше, – с сомнением в голосе поправил я. После услышанного я бы не удивился, если бы количество планет Солнечной системы действительно превышало известное мне со школьной скамьи число.

– Тебе даже это известно?! – Двадцать третий герцог Бедфордский явно был не против поиздеваться над бывшим однокашником. – Просто восхитительно! Тогда что же, собственно говоря, тебя смущает в существовании параллельных миров? Ты что, фантастику не читал?

– Да нет, читал. Но все же... параллельные миры, путешествия во времени... Как-то это все... – Я сделал неопределенный жест рукой, словно пытаюсь выкрутить лампочку из накалявшейся атмосферы кабинета.

– У-у-у... – простонал старина Зеф. – Бисмарк, по-моему, сказал, что русские долго запрягают, но быстро ездят. Так вот, вестфольдинги долго стоят, выясняют, что это у саней выпирает спереди, а потом быстро-быстро тащат их волоком в гору. Вальдар, смирись! Это так потому, что это так и никак иначе. Параллельные миры существуют, и доступ в них возможен. Всем, что с этим связано, вот уже несколько лет занимается наш Институт.

Я вздохнул и смирился. В конце концов, не верить лорду Расселу у меня не было никаких оснований, да и есть ли в общем-то разница, где выполнять приказ. Как гласил девиз нашей прославленной части: «Любая операция, в любое время, в любом месте». Видимо, мое согласие явственно отразилось на лице, поскольку соблюдавший до того паузу представитель ее величества облегченно вздохнул и улыбнулся:

– Так-то лучше. Ладно, пока наших высоколобых разработчиков где-то носит, я тебя слегка введу в курс дела. Последнюю четверть века ты себе представляешь? Времена Георга?

– В общих чертах, – кивнул я.

– Не волнуйся, – обнадежил меня Зеф. – Умники, которые должны сейчас сюда прийти, сделают эти черты вполне себе частными. Но я о другом. В Лондоне, при дворе Георга III, не нашего, а из соседнего мира, есть ценный стационарный агент. Сейчас, в силу необходимости, его надо перевести в Россию. На какой срок точно – никто сказать не может. Может быть – месяц, может – полгода. Больше вряд ли, но всякое случается. Путь из Лондона в Санкт-Петербург, сам знаешь, неблизкий. Превратности бывают всякие, да и задание на месте у нашего агента довольно щекотливое. А потерять этого «стаци» для нас глобальный провал. В общем, нужен человек твоих дарований. Так что, господин капитан, вы назначаетесь телохранителем,

матерью родной и тенью нашего агента одновременно. Остальное вам объяснят разработчики. Вопросы ко мне есть? – отчеканил Рассел деланно командирским тоном.

– Да, сэр! – поддержал я его игру. – Мое владение русским языком оставляет желать много лучшего.

– Ты не волнуйся, – обнадежил меня Двадцать третий герцог Бедфордский, – у нас этим вопросом асы занимаются. Так что там тебя поймет и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык. Хотя, убей меня бог, не знаю, чем один от другого отличается.

Нашу беседу прервал писк селектора, несколько странно смотревшегося на столе работы Роберта Адама.

– Ваша светлость, – произнес приятный женский голос с поверхности стола, – к вам мистер Стивен О’Брайан из отдела перспективных разработок.

– Поздравляю, мой дорогой друг, – ободрил меня Рассел. – Вот и по твою душу Мефистофель прибыл. Добро пожаловать в цех. – И далее, нажав кнопку селектора: – Спасибо, Дже-нифер, пусть заходит.

* * *

Признаться, я не спал полночи в предвкушении чего-то необычайного, почти магического, надеясь, что момент, который мой «крестный» Стивен О’Брайан буднично именовал «переброской», станет одним из ярчайших впечатлений моей жизни. Увы, реальность развеяла весь этот романтический туман. То есть, конечно, до того мне никогда не приходилось ездить в лифте вместе с конем, но более никаких чудес. А самое противное, наверное, то, что вопреки моим ожиданиям кабина даже не тронулась с места. После десятиминутного стояния в четырех облицованных пластиком стенах возникший неведь откуда механический голос заявил: «Внимание оперативной группе! Вы прибыли в конечный пункт маршрута переброски. Подготовьтесь к выходу!» Вслед за этим одна из облицовочных панелей с тихим шипением отъехала в сторону, являя моему взору вполне себе банальный дисплей с не менее банальной клавиатурой, только почему-то с цветными клавишами. «Нажмите кнопку „один“. Это красная кнопка, самая левая на клавиатуре». «Да они что здесь, совсем меня за идиота держат?!» – возмутился я про себя, вдавливая означенную кнопку, украшенную прекрасно различимой единицей. На дисплее моментально высветилась надпись: «Обработка информации». То же самое сообщил мне и «дух лифта», очевидно намекая на мою полную безграмотность. Я смирился с этой чрезмерной опекой и стал ожидать дальнейших наставлений. Между тем обработка информации завершилась, и голос радостно заявил: «Температура воздуха снаружи шестнадцать с половиной градусов по Цельсию, ветер северо-восточный, десять метров в секунду...» Далее следовали влажность и давление ртутного столба и уж совсем, на мой взгляд, не к стати уровень химического и радиационного загрязнения атмосферы. Резюмировав все названное, машина облегченно выдохнула: «Доступ открыт. Нажмите кнопку „два“, зеленую, вторую слева». На месте метеосводки зажглась надпись «Внешний обзор», и медленно по кругу поползли виды окрестных ландшафтов. «В радиусе ста ярдов форм разумной жизни не обнаружено», – радостно подытожила камера перехода, позволяя мне наконец открыть шлюз. Не знаю уж, что там переживал Колумб, разглядевший на горизонте полоску обещанной ему древними картами земли, но у меня было ощущение какого-то подвоха.

Как и обещал мой разговорчивый лифт, разумной жизни поблизости не наблюдалось, зато наблюдался поросший вереском четырехугольный двор полуразрушенного замка, судя по архитектуре, времен еще короля Эдуарда I.

Оставив своего скакуна свободно пастись в заросшем высокой травой дворе, я осмотрелся и, выбрав из пяти башен ту, которая показалась мне наиболее соответствующей первоначальному замыслу архитектора, сбросив камзол, начал взбираться на нее, надеясь получше

оглядеть местность, в которой волей то ли судеб, то ли начальства мне довелось очутиться. Состояние башни было плачевным. Цепляясь за выбоины, служившие явным свидетельством грохотававшей здесь некогда артиллерийской бомбардировки, перескакивая с обрушенных ступеней на торчавшие из стен дубовые, все еще неплохо сохранившиеся балки, ежеминутно рискуя сломать себе шею, я все-таки достиг верхней галереи. Вид, открывавшийся оттуда, вполне бы порадовал ценителя дикой первозданной природы. Футов двести внизу, под скалой, которую венчал замок, катила свои волны река. Далее на берегу, сколько видел глаз, тянулись густые лиственные леса. Лишь совсем вдалеке более угадывались, чем виделись какие-то шпили. Единственным напоминанием о том, что замок не выстроен специально для того, чтобы быть декорацией моему эффектному появлению, был мост, не широкий, но вполне добротный, переброшенный через реку в том месте, где когда-то находился его подъемный предок. Развалины мостовой башни, уже более напоминающей беспорядочную каменистую осыпь, все еще виднелись неподалеку в зарослях высоких, почти в человеческий рост папоротников.

Я примостился между зубцами и приготовился ждать, пытаясь на глазок отыскать отличия этого мира от моего собственного. Времени было предостаточно, по словам О'Брайана, проводник должен был прийти на встречу в течение часа после десантирования. На дворе стояло раннее утро, и хотя солнце поднималось все выше, однако ветер и утренняя прохлада делали свое дело. Я уже изрядно продрог и начал было подумывать спуститься за камзолом, когда увидел малюсенького с моей высоты человека, вынырнувшего из леса прямо к мосту.

– Вот и мой гид, – пробормотал я себе под нос и начал спуск.

Когда связной появился в проеме у ворот, я был уже на земле и ожидал его во всеоружии. Теперь у меня была возможность разглядеть его более подробно. Это был коренастый мужчина лет, возможно, сорока, одетый в черный камзол с простыми костяными пуговицами, черную треуголку, да и вообще все его одеяние не радовало глаз буйством расцветок. В руках у него был короткий охотничий штуцер. Завидев меня, он несколько напрягся и поудобнее перехватил свое оружие.

– Прошу прощения, сэр, – неспешно произнес он, не сводя с меня пристального взгляда. – Я Питер Редферн, слуга лорда Баренса, хозяина здешних мест. Крестьяне сообщили, что в развалинах замка скрывается какой-то дворянин. Я пришел узнать, кто вы и что вам здесь нужно.

Закончив эту фразу, пришелец перевел взгляд с меня на моего вороного красавца коня и, чуть помедлив, снова на меня. Признаться, новость, сообщенная мне Питером Редферном, повергла меня в шок. Не успел я, можно сказать, переступить порог этого мира, так невесть откуда взявшиеся в такую рань крестьяне запеленговали мое появление и, помчавшись опрометью куда следует, пригнали сюда местного шерифа или кто он там, бог его знает.

– Мое имя Камдил, лорд Камварон. – Я гордо вскинул голову, стараясь придать своему голосу тон, каким, по моему мнению, в восемнадцатом столетии закоренелый лорд должен был общаться с назойливым простолюдином. Однако рука нашей милости, картинно упертая в бедро, крепко сжимала небольшой жилетный пистолетик, ибо, как гласил мой боевой опыт, различие в титулах и званиях никоим образом не влияет на меткость стрельбы.

– Ну слава богу, милорд, – облегченно вздохнул Редферн. – Ваш дядя послал меня за вами. – Он поклонился, прижав руку к груди, и добавил заговорщицким тоном: – Надеюсь, вас никто не видел?

– Но вы же сами сказали... – недоумевающе начал я.

– А, пустое. – Питер махнул рукой. – Простите, милорд, просто, добираясь сюда, я нигде не видел ваших следов, вот и заподозрил, уж не один ли вы из тех, кого король Георг послал с приказом вас изловить, – вновь переходя на заговорщицкий тон, продолжил он. – С тех пор как вы закололи герцога Гамильтона, кругом только и слышно о том, что вас следует изловить

и для острастки другим обезглавить. Вы же знаете, как наш король Георг относится к дуэлям, а тут еще отец фаворитки сына, красавчик Гамильтон!

Я ошалело отвел взгляд в сторону, чтобы скрыть свои чувства. Диаметр моих глаз при этом, пожалуй, был близок к диаметру туннеля под Ла-Маншем. Ничего себе история! Быть приговоренным к смерти еще до «рождения»! Интересно, какие еще сюрпризы приготовили мне почтеннейшие господа разработчики?

– Пойдемте скорее, – заторопил меня верный слуга моего «дядюшки». – Хозяин ждет вас в лесу неподалеку в охотничьем домике.

– Откуда известно, что убийство Гамильтона дело моих рук? – спросил я, вскакивая в седло.

– Ну-у, милорд, – Редферн посмотрел на меня сочувствующе, – вы были слишком неосторожны. Драгуны прочесали рошу и обнаружили недалеко от места дуэли шляпу, украшенную гербом Камдилов. Да и торговец пряностями, проезжавший в тот час по дороге, описал дворянина без шляпы, который выскочил из леса и ускакал прочь на вороном коне. Приметы разосланы по всей стране. – Он еще раз смерил меня внимательно-пытливым взглядом. – И... я бы не рекомендовал вам, милорд, останавливаться возле полицейских постов.

* * *

– Позвольте спросить, милорд, – обернулся ко мне Редферн, когда мы, спустившись со скалы, углубились в лес, – вы прибыли в старый замок еще вчера?

– Да нет, – покачал головой я. – С чего ты взял?

Тропа, по которой мы ехали, казалось, была еле намечена среди густого подлеска, однако то там, то сям в траве виднелись тесанные камни, наводя на мысль, что когда-то здесь была проезжая дорога.

– Судя по тому, что следов не было, я решил, что вы ждете меня со вчерашнего дня, – чуть помедлив, словно прислушиваясь к руладам какого-то дрозда, ответил Питер. – Думал, может, вы провели ночь среди этих развалин. Вот и хотел узнать, не беспокоил ли вас ночью дорвичский каменотес.

– Кто? – Я непонимающе вскинул бровь.

– Неужели милорд не слышал эту историю? – искренне удивился мой провожатый. – Говорят, дело обстояло так: замок этот, как вы сами изволили видеть, построен в незапамятные времена, вроде бы еще до того, как Вильгельм Завоеватель пришел в эту землю. Жил в здешних местах могущественный лендлорд, имя которого даже в те времена произносили шепотом, а уж до наших дней оно и подавно не дошло. Был он силен, сказочно богат, однако нрав имел жестокий и яростный. И слух ходил в этих местах, будто все богатство и могущество здешнего господина оттого, что отдал он душу некоему могущественному магу. Сколько благородных рыцарей он тут сгубил, сколько деревень разорил – и не сосчитать. Защитник же Британии король Гарольд собрал большое войско и пришел под стены Дорвича. Долго штурмовали, да все без толку. Стены у крепости высокие, а самого лорда Дорвича ни меч, ни стрела не брали. И вот сыскался в войске Гарольда, уж и не знаю, то ли маг совсем молодой, а может, ученик мага. Пробрался он ночью в крепость, затаился, стал выжидать. И тут как раз мимо него проходили сам лорд Дорвич и его злополучный маг. А на груди у мага цепь с черным таким медальоном. Кинулся молодой-то, видать, магическим своим зрением углядел, что вся сила лорда в этом медальоне заключена, схватил цепь, сдернул ее с шеи, и тут вспышка, бах, винтом в землю ушел. Ну, старый-то маг тоже не промах, он вдогон похитителю послал заклятие, которое не дает ему покинуть стен замка. А лорд Дорвич тут же рухнул замертво, да так больше никогда и не встал. Крепость, понятное дело, вскоре сдалась на милость победителю, магу отрубили голову. Да только с тех пор местные жители утверждают, что по ночам в замке раздается звон,

словно цепь звенит, и грохот, будто кто-то ломает стену. Говорят, лорд Дорвич свою душу ищет, а маг все из замка на волю рвется. Такая вот история.

Я не стал объяснять Редферну, что, по моим наблюдениям, замок построен лет через двести пятьдесят после описываемых событий. Тем более что на живописной полянке перед нами возникло то, что мой проводник скромно именовал охотничьим домиком.

Дядя Джордж ожидал меня в кабинете, увешанном охотничьими трофеями. Из-за обилия оленьих, кабаньих и медвежьих голов я никак не мог отделаться от мысли, что пол-леса сбежалось для того, чтобы послушать наш разговор. Мой ближайший родственник – высокий грузный мужчина лет пятидесяти с небольшим, черты лица имел величественные и гордые, но, я бы так сказал, требовательные. Глядя на него, казалось, что стоит ему открыть рот, как тут же воздух огласится повелениями и приказами. Смерив меня долгим изучающим взглядом, он прошелся по комнате, выглянул за дверь и, убедившись, что Редферна поблизости нет, безапелляционно заявил:

– Ну, и кто это вас так вырядил?

Я вскользя осмотрел себя, пытаюсь понять, что же вызвало неудовольствие моего будущего подопечного. Фиалковый камзол, шитый россыпью мелких золотых соцветий, если и не являлся предметом моей внутренней гордости, то все же, на мой взгляд, был весьма импозантен.

– Не понимаю, – не унимался лорд Баренс, – я каждый месяц отсылаю на базу свежайшие модные журналы. Им что, лень заглянуть туда, прежде чем послать нового агента? Это же парижская мода двухмесячной давности! При английском дворе так никто не носит. – Он немного помолчал, опираясь на трость черного дерева с серебряным набалдашником, и добавил, немного смягчившись: – Ладно, в конце концов, вы же у нас глубокий провинциал.

«Вот и познакомились», – подумал про себя я.

– Не обижайтесь. – Заметив мою реакцию, лорд Джордж неожиданно улыбнулся. – Это упрек не вам. В секторе материального обеспечения всегда дел неувпроворот. Специалистов хороших не сыщешь, а работы все больше и больше. У нас тут одна Мария-Антуанетта Французская меняет моды едва ли не по два раза в день. Английский двор ей, конечно, уступает, но сдаваться не намерен.

Лондонские щеголи уже неделю как носят новое изобретение наших модельеров – называется фрак. Так что, сами понимаете, дорогой племянник, ваше расшитое ботаническими изысками платье здесь уже безнадежно устарело. Быть может, для кого-то вопрос достоверности костюма и мелочь, но только не для меня. Вы до зачисления в оперативный состав где работали?

– Был капитаном командос. Затем тренером, сначала на флоте, потом в Институте. Преподавал фехтование и рукопашный бой. У меня это первый... опыт.

– Понятно, – усмехнувшись, кивнул Баренс. – А я работал в группе натурализации. Делал сказки разработчиков былью. Чтобы концы с концами сходились. А до того в МИ-6, под дипломатическим прикрытием. Пока один из наших не продал списки агентуры. Пришлось временно погибнуть, чтоб не раздуть скандала.

Наше уединение нарушил Редферн, принесший серебряное блюдо с легким завтраком. Своевременная совместная трапеза способствовала налаживанию контакта.

– Итак, вы Вальдар Камдил, мой племянник, – мягко рокотал дядюшка, отослав своего камердинера. – Вы единственный сын моей несчастной сестры Анны, умершей в прошлом году.

Я кивнул, давая понять, что история моей здешней жизни мне в общих чертах известна.

– Наша семья была против этого брака, – не обращая на меня внимания, продолжал лорд Баренс. – Ваш отец, лорд Реймонд, был ярым якобитом. Да-да, он был за Стюартов и сложил голову, оставив сестру в положении. Понятное дело, что вы не помните своего отца... Детство

и юность вы провели в Йоркшире в имении своего дяди Освальда, адмирала флота его величества. Но большую часть этого времени ваш дядя плавал в море, пока в прошлом месяце не пошел на дно. Однако незадолго до смерти он выхлопотал для вас место лейтенанта в гвардейском полку первого лорда адмиралтейства герцога Олбанского. Вы прибыли в Лондон, чтобы представиться его величеству, как подобает новопроизведенным офицерам гвардейских полков, но ввязались в ссору с Гамильтоном. Думаю, ссора ни у кого не вызовет особых вопросов, тем более что покойный не пропускал ни одной юбки, а йоркширское поместье Гамильтонов находится поблизости от вашего «родового гнезда».

– Позвольте вопрос. – Я втиснулся в речь светского льва, в то время как он, сделав паузу, набирал в легкие воздуха. – Что это еще за история с Гамильтоном?

– История как история, – пожал плечами лорд Джордж. – Гамильтон убит на дуэли. Понятное дело, не вами. Зная о дуэли, я заранее позаботился о том, чтобы навести на вас подозрения. И можете мне поверить, если бы был убит его противник, за вами охотились бы с не меньшим рвением.

– Но зачем?.. – все еще не понимая, какой смысл обвинять меня в убийстве неизвестного мне джентльмена, спросил я.

– Ну, мой дорогой, это уж совсем просто, – усмехнулся мой заботливый дядюшка. – Мы с вами отправляемся в Россию. Страну, населенную народом любопытным и романтическим. Страну, где многие века вопросы чести решались челобитной государю, где лишь двенадцать лет назад запрещены телесные наказания дворянства. А потому дуэль для них пока еще блюдо деликатесное. Быть принятым в Петербурге как путешествующий с целью убийства скуки племянник посланника короля Георга – это одно. А как скрывающийся от возмездия герой громкой дуэли – совсем другое. А потому я советую вам, мой милый родственник, придумать какую-нибудь слезоточиво романтическую байку о любовных терзаниях сердца молодого. Как гласит тамошняя пословица, в России битых любят. Но хватит об этом. Сегодня я отправляюсь в Лондон. Вы пока останетесь здесь. Дней через пять корвет королевских военно-морских сил «Феникс» отправляется из Дувра в Санкт-Петербург. Я пришлю сюда Редферна с выездными документами на имя моего секретаря. Он проводит вас на корабль. А пока что располагайтесь. Здесь неплохая библиотека. Полистайте любовные романы, быть может, в них найдется что-нибудь и для вашей истории. – Произнеся это, лорд Баренс взял со стола изящный бронзовый колокольчик и вызвал своего камердинера. – Готовь коней, Питер. Мы уезжаем.

– Все? – поинтересовался камердинер.

– Нет, только мы вдвоем. Надеюсь, молодому джентльмену не составит больших усилий обойтись несколько дней без слуг. До скорой встречи, мой милый. Дом в вашем распоряжении. Здесь неплохой винный погребок, однако прошу вас не слишком усердствовать в его опустошении. Отношения с Францией последнее время ухудшились, так что хорошего вина в Англии днем с огнем не сыщешь. – Он грациозно поклонился и вышел.

Оставшись один, я подошел к книжному шкафу и достал ближайший том. Это были поэмы Александра Поупа. По старой итонской привычке я открыл книгу на первой попавшейся странице и, не глядя, ткнул пальцем в одну из строф:

Так смертные отчаяньем грешат
И сразу же торжествовать спешат,
Как скоро отойдет победа в тень
И проклят будет этот славный день.

Занятное предсказание.

Глава вторая

Наши дороги абсолютно безопасны. Опасны только люди на этих дорогах.

Франк Риццо, мэр Филадельфии

Корвет Гренд Флита Георга III «Феникс» скользил по мелкой зеленовато-серой ряби Падде-Кале, плеща по ветру двадцатиярдовым вымпелом с тройным британским крестом. Позади осталось трехдневное путешествие с Редферном по Англии в закрытом экипаже с баронским гербом Баренсов на дверце. Королевство из окна кареты выглядело каким-то бутафорским, словно крупная голливудская киностудия решила снимать исторический фильм на британской натуре. Встречаемые нами люди не проявляли ровно никакого интереса к тому, что они проживают в конце восемнадцатого века, и это почти смешило меня. Ждавший приезда лорда Баренса корвет только усилил терзавшее меня чувство бутафорскости и нереальности происходящего. Я видел подобный корабль в морском музее в Вулидже и теперь никак не мог смириться с отсутствием налета времен на корвете. Он был абсолютно новый. Просто до безобразия новый. Парусник времен Георга III просто физически не мог быть таким новым.

Прибыв на корабль еще до рассвета, я разместился в каюте своего дяди и получил разрешение от их милости подремать с дороги пару часов. Пара часов растянулась на четыре. Я спал бы и дальше, но топот десятков матросских ног, свист боцманских дудок и крики команд заставили меня проснуться, едва корабль вышел в море. Волнение не превышало двух баллов. Утренний бриз надувал паруса, будто бы пытаясь убедить нас, что все это путешествие будет такой вот неспешной прогулкой. Побродив некоторое время по кораблю, я вернулся на ют, где располагалось наше временное пристанище, надеясь, что расторопный Редферн уже позаботился о завтраке. Но моим надеждам не суждено было сбыться. И не то чтобы верный Питер не слышал призывного урчания, доносившегося из моей утробы. Остановленный несокрушимым повелением хозяина, он, глядя куда-то поверх моей головы, заявил, что завтрак велено подавать через час, а милорд немедленно желает побеседовать со мной.

Наша беседа затягивалась.

– Полное имя Карла III?

– Карл Эдуард.

– Год высадки в Шотландии?

– 1745-й.

– Сколько удерживался у власти?

– Одиннадцать месяцев. Мой отец, лорд Реймонд, командовал полком конных карабинеров в бригаде Дугласа. Погиб двенадцатого ноября во время стычки в Чезел-Корт.

Этот экзамен, начатый специальным посланником короля Георга за час до завтрака, длился уже час после него. Несколько раздосадованный устроенной мне проверкой, я старался отвечать четко и быстро. Аксиома о том, что начальство любит четкие и быстрые ответы, сидела в моем мозгу еще со службы в командос.

– Хорошо, хорошо, – похвалил меня наставник, – но вот что тебе еще следует знать, так сказать, в порядке общей эрудиции: Карл III Стюарт, прозванный также Рыцарь с Красным Плюмажем, являлся великим магистром всех шотландских, французских и немецких масонских лож тамплиерского толка. Твой отец был близок к нему. Я думаю, можно утверждать, что он тоже имел высокую ступень посвящения. Запомни это хорошенько. Там, куда мы прибудем, это, возможно, пригодится.

– Позвольте вопрос, милорд.

– Да, слушаю тебя.

– Для чего это нужно?

– Для чего? – Лорд Баренс посмотрел на меня неожиданно устало. – Мой дорогой, я, конечно, высоко ценю заботу Института о моей особе, но можешь мне поверить, в этом путешествии я подвергаюсь едва ли большей опасности, чем когда бы то ни было в этом мире. Я и сам неплохой солдат и не нуждаюсь в телохранителях. Мне нужен человек, который сознательно понимает, что он делает, и смог бы помочь в исполнении возложенной на меня миссии.

– Если не секрет, что это за миссия, милорд?

– От вас не секрет, коллега. Мы должны спасти от разгрома нашу российскую резидентуру. Возможно, для этого вам придется стать масоном.

– Кем? – удивленно переспросил я.

– Вольным каменщиком, искателем универсума, адептом тайного знания, будь оно неладно!

Я представил себя в нелепом фартуке с мастерком и циркулем в руках, и мне стало не по себе от бредовости увиденного.

В дверь тихо постучали.

– Вы позволите? – На пороге возник юнга, выполняющий роль вестового у командира корвета. – Капитан Гуль велел передать вам, что на горизонте паруса неизвестного судна.

– И что теперь? – Лорд Джордж сурово сдвинул брови у переносицы. – Капитан полагает, что это капер мятежников?

– Вряд ли, милорд. Это одномачтовое судно, скорее всего лихтор или же прам. В такой бадье не покаперствуешь.

– Чего же тогда нужно капитану?

– По приказу первого лорда адмиралтейства мы должны досматривать все корабли в наших водах, дабы пресечь подвоз продовольствия и боеприпасов мятежникам, а также для недопущения контрабанды товаров, обозначенных в списке, предоставленном министерством финансов, – заученно протараторил паренек, старательно воспроизводя речь капитана. – Капитан велел уточнить, следует ли ему продолжать путь далее или же он должен выполнить приказ адмиралтейства?

– Ладно, – Баренс махнул рукой, – пусть досматривает. Надеюсь, это не займет много времени.

– Слушаюсь, милорд, – выпалил юнга, взлетая вверх по трапу с ловкостью мартышки.

– Я думаю, тебе стоит на это взглянуть. Ты должен пропитаться местными впечатлениями. Иначе вся экипировка, все познания, все это – лишь до первой серьезной проверки. – Он подцепил к поясу шпагу с расписной фарфоровой рукоятью и золотым эфесом, столь модную в последние десятилетия этого века, и насмешливо произнес: – Ну что, мой верный телохранитель, не угодно ли вам сопроводить меня на палубу?

Я молча отвесил поклон, демонстрируя готовность следовать за моим принципалом хоть к черту на рога.

Когда мы вышли на палубу, судно, которое капитан собирался осчастливить досмотром, было уже совсем явственно видно.

– Лихтор под голландским флагом, – пояснил, подходя к нам, капитан Гуль. Он склонил голову, приветствуя своего высокопоставленного пассажира. – Надеюсь, вас ничего не беспокоит, милорд?

Чрезвычайный посланник открыл было рот, однако грохот орудийного выстрела помешал ему ответить на вопрос капитана. Заслышав сигнал остановиться, на лихторе начали поспешно убирать гафель, оставляя для маневров лишь пару стакселей. Быстроходный корвет резво сокращал дистанцию, разделявшую нас. Лихтор лег на параллельный курс, готовясь встречать гостей. Расстояние все сокращалось. В подзорную трубу я уже мог наблюдать выра-

жение лиц матросов, снующих по палубе. На мой взгляд, матросов было многовато, пожалуй, даже чересчур для такой уютной посуды. Закончив возню с такелажем, они начали строиться вдоль борта, лишь трое еще были заняты у якорной лебедки. Внезапно над бортом суденышка, противоположном нам, показалась голова еще одного матроса. Он выжался и, перевалив через фальшборт, прыгнул на палубу. Очутившись на деревянной тверди, он что-то крикнул своим сотоварищам. Спустя несколько секунд я увидел, как побежал по валу лебедки якорный канат.

– По-моему, они что-то привязали к якорю, – поделился я с Баренсом своими наблюдениями.

– Ерунда, – отмахнулся мой подопечный, – что они туда могут привязать? Какая-нибудь мелкая контрабанда? Десяток монет и чей-нибудь краденый брегет? Это не наши заботы.

Мы сошлись бортами, после чего прозвучала команда спустить трап, и двое мужчин, одетых скорее добротнее, чем со вкусом, поднялись на палубу нашего корабля. На боку у них болтались дешевые пехотные шпаги, долженствующие, видимо, означать их возвышенное, с точки зрения команды лихтора, звание. Гости склонились в почтительном, хотя и неумелом поклоне, ожидая дальнейших распоряжений нашего капитана.

– Я Роберт Гуль, – громогласно произнес тот, принимая приличествую случаю горделивую позу. – Капитан флота его величества короля Георга III, командир корвета «Феникс». По приказу лорда адмиралтейства я обязан досмотреть ваше судно. Прошу назвать ваши имена, название судна, порт приписки и порт следования. А также огласить наличие груза на борту вашего судна.

– Ваша позволяет, мистер, Хенц Ван Вейден, шкипер на лихтор «Зваан». Моя лихтор Роттердам плыть Гавр. Груза на борту моя нет.

Роберт Гуль досадливо посмотрел на стоявшего рядом лорда Баренса.

– Пардон муа, ма капьтен, – видя досаду на лице капитана, произнес молчавший дотоле спутник голландского шкипера. – Парле ву франсе?

– Уи, – отозвался лорд Баренс, понимая по выражению глаз капитана, что с французским он знаком не более, чем Ван Вейден с английским. – Кес ке се?

– Тре бьен, – улыбнулся француз. – Мое имя Жан Поль Дюруа. Я штурман шхуны «Екатерина де Ла-Марш», вышедшей неделю назад из Ла-Рошели. Шхуна принадлежала судовой компании Жерома Вуази. Вот судовой журнал моего судна. – Он расстегнул клапан большого кармана на своем камзоле и достал из него нечто, отдаленно напоминавшее походный судовой журнал. Судя по внешнему виду, некоторое время ему пришлось поплавать отдельно от своего корабля. – Третьего дня шхуна наскочила на камни у Фаутрок, однако, благодарение Господу, большая часть экипажа спаслась. Продав остатки груза, которые нам удалось выловить, мы зафрахтовали этот лихтор и теперь добираемся во Францию, чтобы предъявить документы в страховую компанию.

Капитан Гуль выслушал перевод слов француза, кивнул и взял протянутые ему останки судового журнала. Название судна довольно явственно угадывалось на обложке, все же остальное, на мой взгляд, было не по зубам даже самому завзятому любителю ребусов. Перелистнув для проформы несколько слипшихся листов, капитан «Феникса» кивнул стоявшему поодаль боцману:

– Возьмите трех матросов и проверьте лихтор.

– Есть, сэр, – выпалил ярый служака и стремглав бросился выполнять приказание.

Шкипер лихтора между тем достал из рукава длинную голландскую трубку и стал тщательно набивать ее табаком.

– Господин капитан, – нарушил молчание улыбчивый француз, – я понимаю. Быть может, моя просьба не совсем уместна, но если вас не затруднит оказать нам такую любезность, и я, и вся наша команда были бы весьма вам благодарны.

– О чем идет речь? – выслушав перевод, сухо отрезал командир «Феникса».

– Видите ли, – начал было штурман... и запнулся, чтобы выслушать перевод. – Видите ли, лихтор мало приспособлен для перевозки такого количества людей. Увы, у нас не было денег на что-либо лучшее. К тому же он еле плетется, а впереди блуждающие мели Сейбла. Вы не хуже меня знаете, сэр, что это самое коварное место во всей Атлантике. Очень не хотелось бы вновь очутиться на бревне посреди океана. К тому же морские обычаи велят оказывать помощь потерпевшим бедствие. Если бы ваша милость согласилась принять на борт мою команду, наша благодарность не знала бы границ. Я не богатый человек, сэр, но у меня есть кое-какие сбережения, и я готов заплатить вам, если вы доставите нас на континент. Там мы уже сами доберемся до места. Вам все равно надо будет пристать к берегу, скоро начнет темнеть, а идти в потемках через Сейбл рискованно даже для такого прекрасного корабля, как ваш.

Выслушав перевод, капитан Гуль вопросительно посмотрел на лорда Баренса:

– В общем-то штурман прав, милорд. Идти через Сейбл ночью очень опасно. Быть может, действительно...

– Нет, – прервал его рассуждения лорд Баренс, мгновенно становясь надменным вельможей и не давая капитану даже закончить фразу. – Мы не будем брать французов на борт и не будем приставать к берегу. Тем более к французскому. Если Сейбл так опасен, как вы о том говорите, лучше мы станем на якорь в проливе и с рассветом двинемся дальше.

Я посмотрел на наших гостей. Вероятно, мне показалось, но, по-моему, оба они были разочарованы.

– Это невозможно, – сообщил им мой дядюшка.

– Увы, увy, мсье, – печально вздохнул штурман.

А в это время над фальшбортом «Феникса» появился мощный торс боцмана, отправленного для досмотра. Спрыгнув на палубу, он подошел на положенное расстояние к капитану, кинул ладонь к глазам и четко отрапортовал:

– Сэр, корабль проверен. Ничего запрещенного к перевозке на борту нет. Жду дальнейших приказаний, сэр!

– Заканчивайте досмотр и поднимайтесь на борт, – скомандовал капитан Гуль и продолжил, повернувшись к шкиперу: – Вы можете продолжать путь.

Тот молчал, глядя на нас оловянными глазами и пытая своей глиняной трубкой.

– Благодарю вас, капитан, – склонился в поклоне француз, выслушав слова лорда Баренса. – Если позволите, еще один вопрос. В проливе полно каперов да и просто джентльменов удачи, а им все равно, кого грабить, англичанина или голландца. Не позволите ли вы, сэр, держаться вблизи корвета, вряд ли какой-нибудь негодяй осмелится лезть на ваши пушки.

– Хорошо, – пожал плечами наш капитан. – Хотя я готов поставить все свое месячное жалованье против груза вашей шхуны, что вы не удержитесь за корветом и полчаса.

Штурман еще раз поклонился, сделал знак своему флегматичному спутнику и направился к трапу.

Убавив паруса, «Феникс» осторожно продвигался вперед, то и дело промеряя глубину лотом, опасаясь коварных блуждающих мелей Сейбла, на которых нашло свою гибель такое количество кораблей, что Великая Армада рядом с ними могла сойти за небольшую парусную регату.

– Вам не показалось, милорд, – спросил я Баренса, когда мы, заскучав от неизменных морских пейзажей, спустились в каюту, – что эта парочка прекрасно понимала английскую речь?

– Мой молодой друг, – лорд Джордж покровительственно положил мне руку на плечо, – я полагаю, вы имеете в виду штурмана, который начал говорить, не выслушав мой перевод? Его напарник, по-моему, слабо владеет даже родным языком. – Мой дядюшка иронически улыбнулся. – Конечно же, я заметил это, но все, кто сколько-нибудь долго плавает в этих местах,

знают пару десятков фраз на любом из языков побережья. Понять, о чем идет речь между мной и капитаном, было отнюдь не сложно.

Я покачал головой:

– И все же что-то здесь не так...

– Браво, племянничек, браво! – насмешливо бросил дядя Джордж, отстегивая шпагу и усаживаясь в обитое атласом золоченое резное кресло. – Насколько я могу судить, в годы своей юности вы явно зачитывались приключениями капитана Блада и ужасного пирата Флинта. Вынужден вас разочаровать: их время окончилось больше века тому назад. Каперы североамериканских мятежников действительно встречаются в этих водах в большом количестве. Обычно они ходят на шхунах или бригантинах. Эти корабли быстры и маневренны, имеют в лучшем случае до десяти – пятнадцати пушек, но по боевой мощи не идут ни в какое сравнение с корветом. Тем более вы же сами видели, команда лихтора – безоружный сброд. Не с ножами же они на нас ползут? Полноте, не смешите меня.

Вдохновленный такой отповедью, я поспешил заткнуться, тем более что Питер Редферн, очевидно, повинаясь усвоенному раз и навсегда распорядку дня своего господина, принес на серебряном подносе бутылку хереса, бокалы и легкую закуску. Однако, невзирая на сказанное и выпитое, сомнения все же не оставляли меня. Я был новичком в этом мире, и все странное казалось мне вдвойне странным. «Итак, к якорю они привязали мешок с какой-нибудь мелкой контрабандой или же своими сбережениями. Что же, вполне может быть. Как ни крути, досмотр – процесс не самый приятный. Матросов на лихторе было десятка три. Хотя, насколько я помню, экипаж лихтора человек пять-шесть, плюс человек десять – двенадцать экипаж шхуны. Считай не считай, а лишнего народа на лихторе не меньше дюжины. Но может быть, это была очень большая шхуна? Или же в Англии нашлись еще желающие срочно попасть на континент. Предполагаемое знание штурманом английского... Это мне дядюшка популярно объяснил». Я вновь шаг за шагом стал вспоминать прошедшую встречу, мысленно прокручивая перед собой каждую минуту визита. Несостыковки отыскивались очень быстро, хотя, увы, все они могли быть также объяснены естественными причинами: короткие пехотные шпаги, болтавшиеся на боку у наших гостей, насколько я знал, оружие не популярное в среде моряков, предпочитавших длинные кортики или тесаки. Возможно, конечно, что было, то и нацепили. Тогда почему и голландский шкипер, и штурман с французской шхуны?

Но можно предположить, что обе шпаги принадлежат голландцу и одна из них штурману была выдана специально для парада. Может такое быть? Почему нет. Но тут возникает следующая проблема: странно промокший судовой журнал «Екатерины де Ла-Марш». Почему текст внутри журнала размыт, а название подмокло, но вполне читаемо? Возможно, он оказался в воде в развернутом виде, обложкой вверх. А можно было журнал так держать в воде специально, скажем, чтобы не дать прочитать какие-либо записи? И, наконец, последнее: погода весь сегодняшний день стояла жаркая. Перехваченный нами лихтор не был военным кораблем, однако, когда мы подошли к «Зваану», весь народ на его палубе был аккуратно одет в рубахи. Быть может, тоже для парада или же команде было что прятать под этими рубахами? На все вопросы могло быть два ответа – разумный, но это было по части лорда Баренса. И, на мой взгляд, правильный, потому что такое количество «но» на милю пути невольно раздражало. Решив придерживаться своей линии, я достал из рундука коробку палисандрового дерева с гербом Камдилов на крышке и, найдя потайной гвоздик, нажал его. Чуть слышно звякнула пружина, и коробка медленно открылась, наигрывая при этом первые аккорды «Помилуй меня, Господи». Внутри этой «музыкальной шкатулки» хранился подарок моего друга Рассела к «боевому крещению» – пара чудесных пистолетов работы богемского мастера Питера Голба. Что бы там ни говорил мой дорогой дядюшка, сегодня был шанс испытать их в деле.

В мою «секретарскую» каморку, примыкавшую к апартаментам посланника, заглянул Редферн, чтобы поинтересоваться, не угодно ли мне чаю.

– Послушай, Питер, – произнес я, перехватив удивленный взгляд камердинера, созерцавшего мои военные приготовления. – У меня к тебе личная просьба. О ней не обязательно говорить дяде Джорджу, но уж поверь мне, повредить ему она никак не может. Будь добр, вечером заряди свой карабин и будь начеку. На всякий случай.

Почтительно выслушав мои рекомендации, слуга отвесил надлежащий поклон и, произнеся «Непременно, ваша милость», поспешил удалиться.

Время катилось к ужину, и мне недолго осталось ждать, чем завершится спор между здравым смыслом лорда Баренса и моей манией преследования.

Когда стемнело, мы стали на якорь. Освещаемый мерцающим пламенем кормовых и топовых фонарей, корвет тихо покачивался, чуть подпрыгивая на невысоких волнах, сбивая с них искрящуюся в лунном свете пену. Убаюканный стуком волн о борт корвета и мерными шагами вахтенных, я задремал, сидя в кресле. Мне снился сон впервые за время моего присутствия в здешних краях на подобающую времени тему. Я сидел на берегу за каким-то нагретым солнцем валуном, наблюдая сквозь склонившиеся над рекой ветви шалости стайки ундин, резвящихся у колеса полуразвалившейся водяной мельницы. Надо признать, это зрелище доставляло мне удовольствие. Во всяком случае, наполовину. То есть я имею в виду на верхнюю половину. Хихикающие русалки, громко хлопая хвостом по мельничному колесу, скатывались по нему вниз и, поднимая каскад брызг, плюхались в воду. «А-а-а», – вскрикнула одна из них, с легким всплеском исчезая в волнах. Я поморщился во сне. При явных женских признаках ундины, вскрик у нее был неожиданно мужского тембра... Мужского тембра?! Глаза мои распахнулись сами собой, вырывая сознание из полудремы.

На столе ярко горела масляная свечильня, играя бликами на букетном дамаске пистолетных стволов. Сквозь переплет каютного окна пробивался свет кормового фонаря. Я вскочил, опрокидывая стул, и бросился к иллюминатору. Борт о борт с «Фениксом» неспешно погружался в воду злосчастный лихтор. С него по веревкам на нашу палубу одна за другой поднимались темные фигуры. «Ну, вот вам и привет от старика Флинта, – быстро возвращаясь к столу и хватая пистолеты, пробормотал я. – Пожалуй, пора вмешаться». Я кинулся наверх, едва не споткнувшись о ноги Редферна, спавшего у дверей каюты своего хозяина. В руках у него был зажат уже знакомый мне штуцер. Стоило мне задеть верного слугу, как дрема его моментально улетучилась. Ствол карабина стал угрожающе подниматься на уровень моей груди.

– Тише, Питер, это я, – прошипел я сдавленным от волнения голосом. – Буди дядю. Поднимайте экипаж. На борту пираты, – бросив это, я опрометью бросился на палубу. Но стоило мне ступить по ней лишь шаг, как кто-то тяжелый обрушился на меня сверху сзади, обхватывая руки и выбивая один из пистолетов.

– Этого живьем, – услышал я.

Глава третья

Свинец – чрезвычайно сильнодействующее средство. Лишь несколько граммов, и вы беседуете с ангелами.

Полковник Кольт

Захват, удерживающий кольцом мои плечи и грудь, никак нельзя было назвать слабым. По всей видимости, негодяй, заключивший меня в свои объятия, уже считал плененным этого расфуфыренного дворянчика, нехоти вылезшего на палубу подышать ночным воздухом. Я резко вскинул вверх руки, подобно крыльям взлетающей птицы, и крутанулся на месте, ставя свою левую ногу на пути отступления нижних конечностей нападавшего. Полет бедолаги был недолог и закончился, судя по звуку, неожиданным столкновением со столбиком, поддерживающим навес кормовой надстройки. В тот же миг соратник моей жертвы, видимо, спешивший на помощь, вынырнул из полутьмы буквально в трех шагах от меня. Повинуясь не столько велению разума, сколько годами нарабатанному рефлексу, я тут же нажал спусковой крючок пистолета, находившегося как раз на уровне лба несчастного. Он грохнулся на палубу, не издав ни звука. Не скажу, чтобы я испытал при этом спазмы желудка, угрызения совести и тому подобные беллетристические вольности. Единственное, что промелькнуло у меня в мозгу, было короткое и четкое: «Второй». Но схватка продолжалась. И третий душегуб, размахивая абордажным тесаком, мчался навстречу неприятностям. Я блокировал его атаку предплечьем и, проведя свою руку ему под мышку, резко вздернул вверх. Бедняга взвыл от боли в плечевом суставе, но тут же смолк, получив удар по лбу окованной железом рукоятью пистолета. Четвертому повезло еще менее. Перелетев через брошенное ему под ноги обмякшее тело третьего, он чуть ли не носом уткнулся в мой сапог. Удар каблуком в основание черепа навсегда лишил его возможности совершать подобные ночные визиты. Нож, внезапно вылетевший из темноты, чиркнул по бедру, обжигая болью. «Проклятие!» – процедил я, до скрежета сжимая зубы. Боль не исчезла, но как-то перестала восприниматься, поскольку бой не может быть закончен, пока противник не повержен. Или же покуда ты жив.

К тому моменту, когда до отвращения знакомый голос прокричал: «Этот мой!», рядом со мной на палубе валялись еще двое пострадавших. Эти слова были произнесены на чистейшем английском языке, и, судя по всему, те, кому они предназначались, не нуждались в переводчиках. Давешний штурман Жан Поль Дюруа стоял передо мной, сжимая уже знакомую пехотную шпагу. В мерцающем свете фонарей я видел, как играет на его губах саркастическая ухмылка. «Француз» сделал пару махов своим оружием, словно проверяя его управляемость, и стал в стойку. И тут наконец у меня появилась возможность обнажить свой клинок. Мы сошлись и зазвенели сталью, внезапными финтами и ложными атаками прощупывая оборону противника. У пресловутого Дюруа было, как минимум, два преимущества: обе ноги прекрасно его слушались, а кроме того, он явно более меня привык сражаться на раскачивающейся корабельной палубе. Однако в остальном мои шансы были предпочтительнее. За спиной «француза» не было фехтовальной школы маэстро Николя Ле Фонтэ.

Парировав четвертой атакой противника, я перевел его клинок вниз и, преодолевая боль, наступил ногой на лезвие. Вырванный из руки Дюруа эфес звякнул о палубу, но в тот момент, когда я уже занес шпагу для завершающего удара, за спиной моей грохнул выстрел, страшная боль обожгла мне плечо, бросила вперед, и я рухнул, сбивая с ног мнимого штурмана, последним усилием воли прижимая шпагу к его горлу. Следующий выстрел, прозвучавший спустя мгновение после первого, я скорее почувствовал, чем услышал.

Туман в моей голове время от времени взрывался яркими вспышками, давая мне возможность вновь и вновь прожить и прочувствовать короткие минуты последнего боя. На этот раз я видел схватку как бы со стороны, точнее, с разных сторон, словно отснятую на пленку десятком скрытых камер. В покадровом повторе я видел, как приходит в себя сброшенный мною с плеч коренастый «голландец», как ползет он на четвереньках по палубе, едва не падая рукой под каблук моего сапога... Именно в этот момент Дюруа делает свой злосчастный выпад, очевидно, надеясь если не поразить меня, то опрокинуть через спину шкипера. И в тот миг, когда шпага пиратского вожака выворачивается из его пальцев, напарник «француза» подхватывает оброненный мной в самом начале боя пистолет... Я вижу пламя выстрела. Вижу, как в упор спускает курок своего карабина выскочивший из-за двери Редферн и мертвый уже пират в конвульсиях дергается на палубе, пачкая ее кровью из разорванных внутренностей... Вижу весь дальнейший бой, хотя не знаю, как я могу его видеть, и до тошноты страдаю от удушливого запаха лаванды, пропитывающего картину боя. Внезапно палуба вновь погружается в туман, и передо мной в рваной пелене этого тумана появляется лицо патриарха Чжоу-И, великого мастера Ю Сен Чу. «Бой – это всего лишь бой, – назидательно говорит он, качая головой с забранными в хвост длинными седыми волосами, – но это только бой и ничего, кроме него. Заполни его собой, заполни полностью. Не оставляй противнику даже самого малого места проявить свою волю. Только так ты сможешь победить, не сражаясь». Туман рассеивается, и мастер Ю Сен Чу неспешно и задумчиво проходит по палубе корвета, объятая смертельной схваткой, проходит, не замечая мелькающих клинков, пуль и пламени пожара, лезущего вверх по вантам. Дойдя до фальшборта, он чинно переступает через него и растворяется в ночи. А запах лаванды все преследует меня, неотвязный, как комариная стая. Я почти задыхаюсь и изо всех сил сжимаю пальцы в кулак, силясь преодолеть подступающую дурноту...

– Посмотрите, миледи, он разорвал подушку, – слышу я сквозь бред. – Сжал пальцы и разорвал ее.

Голос, которым произнесены эти слова, мне незнаком, но я готов поклясться, как только смогу говорить, что никто из экипажа «Феникса» так разговаривать не может. Так произносятся слова девушки от шестнадцати до восемнадцати годов, вырастая из девичьих платьев и не дорастая еще до женских.

Не знаю уж, как там мертвецы с монетами, положенными на глаза, но я поднимаю свои веки так, будто каждое из них прижимает шестнадцатифутовое ядро.

– Смотрите, смотрите, миледи! Он наконец очнулся!

Сквозь дымку я вижу двух девушек, склонившихся над моей постелью. Судя по очертанию фигур, передо мной госпожа и ее камеристка. Во всяком случае, платье а-ля сигнальный буй наводило меня на мысль о светском статусе одной из моих «сиделок». Я с тоской вспомнил виденные мною в изрядном количестве портреты красавиц XVIII столетия: все те губки бантиком, глупенькие кукольные глазки и щеки, за которыми можно было хранить запас удовольствия на черный день. В родовом поместье моих предков таких милашек была целая стена. Однако до конца времени этих фарфоровых кукол оставалось еще лет двадцать, и лежать все эти годы, не размыкая глаз, не было никакой возможности. Я сделал над собой усилие, стараясь навести резкость во взгляде. Не знаю, то ли художества всех этих маэстро мазка были неудачной глупой мстью вздорным кокеткам, то ли мне уж так везло, но обе сидевшие у моего скорбного одра барышни были весьма хороши собой. Особенно ежели вдруг смыть с них обязательные напластования туши, пудры и румян. Однако полагаю, подобная мысль, выскажи я ее, показалась бы здесь святотатством.

– Милорд пришел в себя, – констатировала служанка, озаряя каюту неожиданно радостной улыбкой. Насколько я мог судить, она вообще была девушкой простой и жизнерадостной.

– Сходи позови лорда Джорджа, Вирджиния, – произнесла ее госпожа голосом глубоким и бархатистым. – Скажи, что его племянник очнулся.

– Слушаюсь, мадам. – Камеристка присела в неизменном книксене и поспешно исчезла за дверью.

Пользуясь случаем, я нагло уставился на хозяйку апартаментов, стремясь получше разглядеть ее, вычленив основное из-под слоя модных художеств. Мне тяжело описывать словами женскую красоту. На мой взгляд, все эти воспевания формы носа, цвета губ и величины ушей лишь жалкое блеяние, неспособное и в малой мере передать впечатление от действительно красивого лица. Такое впечатление подобно молнии. А можно ли описать в подробностях и красках эту самую молнию, особенно когда она попадает в тебя? Единственное, что действительно обращало на себя внимание, были, конечно же, глаза. Серые, как туман, но не грязный смог заводских предместий, а утренний туман где-нибудь на берегу озера, готовый исчезнуть и открыть взору наблюдателя и раннюю синеву воды, и свежую зелень листвы, покрытую росой. Все это было во внимательно глядевших на меня глазах неизвестной красавицы. И все же если действительно считать глаза зеркалом души, то жили в этой душе какая-то печаль и тревога, непередаваемые на язык слов да, вероятно, и невысказанные самое себе. Мне было лестно думать, что прекрасная дама тревожится обо мне, однако оснований для этого не было ровным счетом никаких.

– Я жив. – Попытка произнести эти слова в полный голос и даже с некоторой иронией закончилась провалом. Губы едва шевельнулись, будто после сильного мороза.

– Несомненно, милорд.

– Когда б я умер, мне вряд ли бы сыскалось место в раю. А встретить такого ангела в аду – вещь невозможная. – Произнеся подобный комплимент, я почувствовал, что вновь теряю сознание. По всей видимости, самочувствие мое не располагало к столь длительным беседам.

– Он забылся, милорд. – Слова эти долетели до моего сознания, покрытого пеленой слабости, заставляя вновь вернуться в мир живых. – Если пожелаете, можно дать ему нюхательную соль.

– Благодарю вас, герцогиня, но, похоже, он уже приходит в себя. – Рокочущий голос, которым были произнесены эти слова, несомненно, принадлежал моему дядюшке. – Добрый день, мой мальчик, – громыхнул он, увидев, что я открываю глаза.

– Добрый день, – прошептал я.

– Я вас оставлю, господа. Мне необходимо сделать кое-какие распоряжения. Если вам что-нибудь понадобится, вызывайте прислугу. Доктор обещал быть через четверть часа.

Она грациозно поднялась и поплыла к выходу, шурша шелками своей юбки. Мне отчего-то вспомнилось, что подобный фасон назывался «взволнованным», но быть может, я путал и его величали «удивленным».

Поза, в которой я лежал, доставляла мне массу неудобств. Уж и не знаю, сколько я валялся вот так, уткнувшись носом в батистовую подушку, но все мое тело затекло и было тяжелым и непослушным, будто чужим. Попытка повернуться на бок отозвалась резкой болью, и я, застонав, был вынужден отказаться от этой мысли.

– Лежи, лежи. – Заметив мое движение, лорд Баренс сделал останавливающий жест рукой. – Ну что, телохранитель, – он улыбнулся, – ты свою работу выполнил отменно. Уж прости меня, старого дуралея.

– За что?

– За то, что я в тебе сомневался. Засиделся тут, глаза замылились, просмотрел уловку. Знаешь, кстати, кого ты в плен-то взял?

Памятуя неудачную попытку повернуться, я отказался от желания пожать плечами и лишь тихо прошептал:

– Нет.

– Это сам Джон Пол Джонс. Своего рода легенда. Первый капитан американских повстанцев. Он один пустил на дно наших кораблей более, чем все остальные каперы вместе взятые.

И можешь мне поверить, если бы ты доставил Джон Пол Джонса в Лондон, всю оставшуюся долгую жизнь жил бы безбедно и каждый твой выход в свет сопровождался бы фанфарами и барабанным боем.

Я закрыл глаза, представляя себе эту картину, и меня отчего-то начало подташнивать. Впрочем, возможно, этому виной была лаванда, которой надушено белье.

– Жаль, не судьба, – утешил меня дядюшка. – Пока ты тут отдыхал, представитель местного губернатора потребовал выдать капера французским властям.

– Французским?

– Ах, ну да! Я забыл тебе сказать. Мы во Франции. Во время схватки один из негодяев бросил факел в картуз с порохом возле орудия. Пушку сорвало с лафета, но это еще полбеды: огонь охватил снасти. В общем, мы едва дошли до Кале. Недели полторы-две «Феникс» не сможет выйти в море, а учитывая то, что он в руках у французов, пожалуй, и того больше. Так что Пол Джонса пришлось отдать.

– Почему?

Лорд Баренс тяжело вздохнул:

– Французы предъявили ему обвинение в захвате и уничтожении шхуны «Екатерина де Ла-Марш», а любой корабль, в особенности военный, капитан которого не желает выдавать властям человека, обвиненного королевской судебной палатой в пиратстве, сам считается пиратским. Так что в противном случае мы бы потеряли и корабль, и корсара, и собственную свободу. – Он немного помолчал. – Я, впрочем, не верю во французские обвинения. Скорее всего шхуна ожидала пиратов у английских берегов. Что с ней произошло – это уже второй вопрос. Но вряд ли американский капитан стал бы захватывать судно страны, которая так усиленно помогает его родине. Вернее всего дело обстояло так. Три месяца тому назад, когда фрегат «Пионер», которым командовал Джон Пол Джонс, налетел на камни в районе Ярмута, капитан и часть экипажа спаслись. Их поместили в ярмутскую каторжную тюрьму, но мятежники не стали дожидаться отправки в Австралию и организовали побег. Вряд ли он был случайностью или оплошностью охраны. Скорее всего не обошлось без помощи извне. Вероятно, шхуна ждала беглецов в каком-нибудь глухом заливчике, но, не зная вод, села на камни. Тут-то и подвернулся им под руку злосчастный лихтор. Впрочем, это лишь мои домыслы. Правду мы уже не узнаем.

Ладно, утомил я тебя тут своими разговорами, – махнул рукой дядюшка. – Сейчас доктор пожалует. Леди Элизабет утверждает, что это какое-то европейское светило. Да, мой дорогой племянник, кстати, – лорд Баренс назидательно поднял указательный палец, – я должен вам напомнить. В следующий раз, если вам срочно понадобится со мной связаться, вы свободно можете использовать символ веры, который находится у вас на груди. В общем-то, он для того и предназначен.

Я обреченно вздохнул в подушку. Прибор, замаскированный под символ веры, позволял видеть глазами напарника, слышать его ушами, а уж передача мыслей на расстоянии для него и вовсе было делом заурядным. С непривычки, в спешке, я начисто забыл о нем.

– Ладно, выздоравливай, – напутствовал меня мой родственник. – Нечего залеживаться, у нас с тобой еще много дел.

Он вышел, прикрыв за собой дверь. Я остался в одиночестве, получив наконец возможность рассмотреть комнату, в которой находился. Она была невелика, а если учесть количество вычурной позолоченной мебели в стиле позднего рокайля, то, пожалуй, даже мала. Более всего она напоминала мне этакий городок в табакерке. И что уж было совсем противно, меня не оставляло странное ощущение, будто комната слегка покачивается. Впрочем, это ощущение вполне оправдывалось моим болезненным состоянием. Стараясь справиться с подступающей дурнотой, я вновь прикрыл глаза, расслабляясь и впадая в благостную полудрему.

Скрипнула дверь, и я услышал знакомый уже шорох юбок. «Герцогиня, – подумал я. – А может быть, Вирджиния?» Но мне почему-то больше хотелось, чтобы это была герцогиня. Я не стал открывать глаз, набираясь сил для предстоящей встречи с лекарем. Признаться, подобные встречи всегда требовали у меня много сил, не столько физических, сколько духовных.

Подойдя к моему ложу, девушка расположилась в кресле, стоявшем подле него. Спустя мгновение я почувствовал, как смоченный какой-то душистой настойкой платок касается моего лица. Дверь скрипнула.

– Ваша светлость, – произнес мелодичный голосок Вирджинии. – С вашего позволения маркиз Пелигрини прибыл, чтобы осмотреть раненого.

– Да-да, зови скорее, – услышал я взволнованный голос той, кого Вирджиния называла светлостью.

«Значит, все-таки герцогиня», – подумал я, почему-то радуясь этому факту.

Маркиз Пелигрини не заставил себя долго упрасивать. Он появился в моей золоченой каморке, едва юная Вирджиния успела ее покинуть.

– Добрый день, граф, – негромко произнесла хозяйка, едва закрылась дверь.

– И я рад приветствовать вас, ваша светлость.

Что и говорить, чувствовал я себя отвратительно, но с головой у меня вроде бы все было в порядке. Спасибо Джон Пол Джонсу, я даже не бился ею о палубу во время падения. А потому новомодная манера именовать маркизов графами увлекла меня настолько, что я прислушался, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Итак, моя дорогая герцогиня, что это за таинственный юноша, ради которого вы просите меня срочно приехать в Кале?

Таинственный юноша едва сдержался, чтобы не хмыкнуть. Дотоле ему не доводилось слышать подобного титула для тридцатилетних мужчин, а уж из уст барышни, которой самый неотесанный чурбан не мог бы дать больше двадцати двух, и подавно.

– О, это настоящий герой! Он спас английский корвет от пиратов. Шестерых из них убил голыми руками, а их вожака, знаменитого Джон Пол Джонса, уже раненный, взял в плен.

По моим подсчетам, количество убитых мною в ночной стычке не превышало двух. Остальные же ограничились травмами различной тяжести. Порой, если видение меня не обманывало, тяжести явно недостаточной. Что ж, впредь урок. Реальность этого мира более не вызывала у меня сомнений. Ни в малейшей степени. Что же касается количества моих жертв, боюсь, что до прибытия в Санкт-Петербург людская молва доведет их до общей численности экипажа лихтора. Интересно при случае узнать, какие крылатые слова припишут мне при этом истории.

– Не бог весть какая заслуга, – хмыкнул маркиз Пелигрини. – Джон Пол Джонс сражается за независимость своей родины от кучки чопорных лордов с полубезумным королем во главе. И в этом деле справедливость, несомненно, на его стороне. Впрочем, как вы сами знаете, граф Алессандро Калиостро лечит больных, а кто они, короли или погонщики мулов, не его забота.

Ах вот оно что! Так вот какого лекаря ко мне сюда пригласили! Ну что ж, пациент либо умрет, либо выживет. А если выживет, то либо умрет, либо будет жить. Я уткнулся носом поглубже в подушку, чтобы скрыть свои эмоции.

– Кстати, ваш герой богат?

– Полагаю, что нет. Но он племянник лорда Баренса, чрезвычайного посланника короля Георга в России. А Баренсы – весьма богатый род.

– Чрезвычайного посланника в России, – повторил маркиз Пелигрини, вдруг оказавшийся совсем даже не маркизом. – Это хорошо. Сам Господь посылает его нам навстречу.

Казалось, он начисто забыл о меркантильной составляющей своего вопроса.

– Вы говорите, моя дорогая Бетси, что лорд Баренс спрашивал о возможности плыть в Петербург на вашей яхте?

– Да, граф. – Герцогиня, казалось, не заметила фамильярного обращения к себе, так будто это была норма, принятая в их общении.

– Прекрасно. Я думаю, вы предоставите ему такую возможность. Кстати, ваша светлость, я привез письмо от морского министра, дающее вам право поднять французский флаг на своей яхте. Вы можете выходить в море хоть сию минуту. Прошу вас все же дождаться, пока я сойду на берег, – пошутил Калиостро. – Завтра, знаете ли, я должен быть в Митава.

– Но, граф, Митава...

– Вы полагаете, Митава слишком далеко от Кале? Пустое, я там буду завтра. – Я услышал тихий мелодичный звон открывающихся часов. – Точно, завтра к вечеру. Однако давайте же займемся вашим раненым героем. Передайте лорду Баренсу, что это лечение обойдется ему в пятьдесят гиней. Это самое меньшее, на что я могу пойти, – пояснил Калиостро. – И то только из почтения к вам, сударыня.

– Благодарю вас, граф, – произнесла герцогиня своим глубоким нежным голосом. – Я действительно многим обязана этому человеку.

«Вот так новость!» – подумал я и тут же открыл глаза, почувствовав рядом с собой резкий запах нюхательной соли.

– Добрый день, милостивый государь. – Человек, стоящий передо мной, был невысокого роста, хорошо сложен, хотя говорить об этом определенно из-за фасона длинного камзола было тяжеловато. Высокий лоб его, если верить физиономистам, выдавал незаурядный ум, а черные блестящие глаза, казалось, отражали игру страстей в душе моего лекаря. Я прошептал ответное приветствие, стараясь выдавить улыбку на лице, но, видит бог, получилось кривовато. – Давайте посмотрим, что там у вас.

Нимало не стесняясь присутствовавшей здесь герцогини, он откинул покрывало и занялся моими ранами. Я увидел, как леди Бетси поспешила отвернуться, смущенная моим непарадным видом, но, судя по тому, что в муранском зеркале я наблюдал ее тонкое лицо с печальными серыми глазами, она тоже пристально следила за происходящим на ложе.

– Рана ноги не опасна, – подытожил свои наблюдения Калиостро, – глубокий порез, не более. С плечом, конечно, хуже: пуля прошла над лопаткой и вышла около ключицы. На наше счастье, жизненно важные органы не задеты; чуть влево – вы могли остаться без руки, ну а чуть правее – моя помощь вам и вовсе не потребовалась бы. И все же вы в большом долгу у того, кто столь своевременно обработал ваши раны. Пролежи вы на палубе чуть подольше – истекли бы кровью. Однако потеря ее все же большая. Но организм у вас сильный. – Граф вновь окинул меня взглядом. – Можно даже сказать, очень сильный, так что, думаю, ничего страшного не произойдет. Я дам вам чудодейственный бальзам, вы будете смачивать им повязку. В Петербурге, думаю, вы уже сможете не только ходить, но и гарцевать на лошади. Вы ведь любите лошадей?

– Да, – прошептал я.

– Вот и прекрасно, я тоже. Совершеннейшие творения Господни. Пока же ваши лучшие лекарства, не считая, конечно, моего бальзама, – покой, свежий морской воздух и обильная еда. Побольше мяса, красного вина и шоколада.

Герцогиня кивнула, словно приняв к сведению распоряжения лекаря. Я представил себе мясо-шоколадную диету – под красное вино получилось неплохо.

– А сейчас, – он протянул мне маленький стаканчик, наполненный темной жидкостью, – вы примете лечебный отвар и уснете, а я пока обработаю ваши раны.

На всякий случай прикинув для себя, что вряд ли успел досадить чем-либо Калиостро, а следовательно, шансы целенаправленной отправки меня к праотцам довольно малы, я согласился принять налитую мне лекарем микстуру и вскоре погрузился в яркий цветной сон.

...Я шел сквозь каменную толщу. Шел, раздвигая плечом гранитные глыбы, и они поддавались, будто восковые. Я пробовал бежать – ноги мои вязли и еле вытаскивались из размякшей горной породы. В руке моей была цепь с медальоном. При каждом шаге она звенела, будто увешанная сотней маленьких серебряных колокольчиков, и тот, кто шел за мной, всегда и неотвязно шел за мной, слыша этот звон, шаг за шагом приближаясь ко мне в недрах скальной толщи. Чувствуя близость его, я менял направление, по-заячьи стараясь запутать следы... И каждый раз вдали передо мной вставала девушка в длинном до пят темном плаще... И каждый раз она отворачивалась, словно пряча от меня свое лицо, и исчезала, не оставляя даже следов на каменной пыли. И лишь взгляд серых глаз, подобный утреннему туману над дремлющим весенним озером, преследовал меня вновь и вновь, исчезая и появляясь за моей спиной.

Глава четвертая

*Господь сотворил землю на глазок. Циркуль, мастерок и отвес
приду-мали мasons, чтобы сбить всех с верного пути.
Папа Климент XII*

Калиостро не обманул, здоровье мое шло на поправку. Через три дня я уже без посторонней помощи мог выходить на палубу, и палисандровая трость, подаренная лордом Баренсом, придавала мне вполне вельможный вид, хотя высокое искусство ходить с тростью с изяществом настоящего денди было почти непостижимо для человека наших дней. Глядя, как естественно и в то же время необъяснимо вальяжно пользуется своей тростью лорд Баренс, я готов был удавиться от зависти, понимая, что для достижения подобных результатов мне еще понадобятся месяцы упорных тренировок.

Специально для меня герцогиня повелела вынести на палубу одно из роскошных голленхаудтовских кресел, чтобы я мог беспрепятственно любоваться морскими пейзажами, глядя при этом рекомендованный доктором свежий йодистый воздух. Море было спокойным и чистым, лишь пару раз, будто и не замечая нас, вдаль проносились косые паруса люгеров, которые поэтичные французы именуют «Шас марэ» – охотники за приливами. Были ли это каперы, контрабандисты или же, наоборот, те, кто ловил каперов и контрабандистов, оставалось неясным, да и не слишком нас волновало. Снаряженная кечем двухмачтовая яхта герцогини «Сельвания» оказалась прекрасной бегуньей, и было любо-дорого взглянуть, как она несется вперед на перегонки с попутным ветром, разрезая форштевнем тяжелые волны Северного моря.

Я сидел, откинувшись в кресле, разрабатывая раненую руку. Со стороны, должно быть, смотрелись экзотично все те петли и спирали, которые описывал ладонью в воздухе раненый джентльмен. Битый час уже таким вот образом я дирижировал хором крикливых чаек, носившихся над мачтами, когда на палубе появилась наша гостеприимная хозяйка. Неспешно подойдя ко мне, она пресекла мою попытку подняться, чтобы приветствовать ее, и, вежливо осведомившись о моем здоровье, прошла мимо. Честно говоря, меня бы значительно больше обрадовало, если бы ее светлость предпочла мое общество серым волнам, по которым скользил ее взор. Но, похоже, герцогине было не до меня. Я вдоволь успел налюбоваться видом леди Кингстон со спины, когда над палубой вдруг заголосила серебряная боцманская дудка, требуя у экипажа немедля приступить к выполнению очередной команды капитана. Леди Элизабет вздрогнула, словно вырванная этим звуком из мира своих грез, и испуганно оглянулась.

– Это всего лишь сигнал матросам, – произнес я, радуясь возможности завязать беседу.

– Да-да, конечно, – рассеянно кивнула она. – Просто внезапный звук... – Герцогиня замолчала, словно теряя интерес к нашему разговору. Но испуганная напряженность во всем ее облике оставалась прежней.

– Вас что-то тревожит? – поинтересовался я.

– Тревожит? Нет. Все прекрасно... но меня отчего-то это совсем не радует, – вздохнула герцогиня.

– Отчего же?

– Скажите, милорд Вальдар, – словно не слыша мой вопрос, произнесла леди Кингстон, – вам бывает страшно?

– Бывает, – усмехнулся я. – Но, как большинство вестфольдингов, я тугодум, лишенный воображения, а потому зачастую успеваю среагировать на опасность быстрее, чем испугаться.

– А мне страшно, – печально сказала она, глядя куда-то в пространство. – Мне снятся страшные сны. Мне снятся зеркала, в которых я не отражаюсь, и какие-то люди, которых я

точно знаю, но не могу вспомнить ни их имен, ни кто они. – Она замолчала, глядя на море, и я тоже молчал, не зная, что ей ответить.

– Ну что вы, ваша светлость, – промямлил я, пытаюсь как-то разрядить обстановку.

Вопрос леди Бетси застал меня врасплох:

– Скажите, конечно, если это не секрет, что было причиной вашей дуэли с герцогом Гамильтоном?

– Я...

– Беседуете? – заглушая мои вялые попытки наплести с три короба дерюжных кружев, спросил, подходя к нам, лорд Баренс.

– Мы разговаривали о погоде, – мило улыбаясь, ответила красавица, глядя в глаза моего дядюшки так, будто ее слова были истинной правдой.

– *Она спрашивала тебя о Гамильтоне?* – внезапно услышал я у себя в мозгу, в то время как мой галантный дядя, прижав руку к груди, склонялся в традиционном поклоне.

От неожиданности я чуть не подпрыгнул. С непривычки весьма странное ощущение слышать в голове чужую речь. Особенно когда на твоих глазах человек, беседующий с тобой, произносит совершенно другие фразы.

– О да. Погода воистину прекрасная. – Лицо лорда Джорджа выражало полное доверие словам собеседницы: и всем вместе, и каждому в отдельности.

– *Да*, – ответил я «дяде» по мыслесвязи.

– *Имей в виду, лорд Гамильтон первый любовник этой почтенной леди. Еще в те незапамятные времена, когда она была просто фрейлиной королевы-матери и просто Елизаветой Чедлэй, он бросил ее, едва добился своего.*

Мы все трое дружно молчали, любуясь игрой волн, и если наше с Баренсом молчание было довольно многословно, молчание нашей хозяйки было весьма красноречиво.

– Пожалуй, я спущусь к себе, – вздохнув, произнесла она. – Здесь становится слишком свежо, вы не находите, лорд Джордж?

– Вы правы, миледи. Но я еще постою. Люблю морской воздух. Уж не помню, кто сказал, что истинного англичанина он пьянит не хуже вина, но сказано верно.

Выслушав вдохновенный монолог королевского посланника, герцогиня грациозно склонила головку, оставляя нас наедине.

– Послушай, Вальдар, – понизив голос до полупшепота, начал секретный агент, – ты, конечно, полная деревенщина, но некоторые вещи о нашей спутнице тебе следует знать. Потому что в Англии об этом знают почти все. Уж во всяком случае, те, кто имеет отношение ко двору. Ты помнишь, сколько лет было герцогу Гамильтону, которого ты не без моей помощи «отправил на тот свет»?

– М-м... сорок шесть? – неуверенно произнес я, проведя экстренные археологические раскопки в недрах своей памяти.

– Сорок семь. Но это не суть важно. Так вот, Елизавете Чедлэй сейчас, должно быть, сорок пять.

– Сколько?! – переспросил я, приподнимаясь от неожиданности в кресле.

– Ты не ослышался, сорок пять. Подожди, я к этому еще подойду. Так вот, Гамильтон обольстил юную фрейлину, как я уже говорил, и бросил самым подлым образом. Однако это не помешало ей через пару лет сочетаться тайным браком с неким капитаном Геруэем, младшим братом графа Бристольского. Причина подобной таинственности понятна: выйдя замуж, девушка не могла больше состоять в свите королевы в звании фрейлины, а приданого, которое мог дать за своей дочерью полковник Чедлэй, вместе с жалованьем ее мужа далеко бы не хватило для светского образа жизни. Впрочем, по слухам, брак не задался. Крошка Бетси уехала путешествовать в Европу, одно время даже была близка с императором Фридрихом, но довольно скоро вернулась в Англию и весьма настойчиво начала требовать расторжения брака.

Геруэй вроде бы был против, но в один прекрасный день из церковной книги исчез лист с записью о браке, а вскоре к прелестной мисс Чедлэй посватался престарелый герцог Кингстон. Не знаю уж, насколько был счастлив этот брак, но спустя два года все свое состояние Кингстон оставил безутешной вдове. Причем, отметить, забыв при этом всех своих многочисленных родственников. До единого. Те скрипели зубами, но сделать ничего не могли. До той поры, пока сама наша хозяйка не подбросила им козырь для встречной атаки... Причем какой! Примерно через год после герцога Кингстона скончался граф Бристоль. Титул и изрядное состояние покойного унаследовал младший брат, уже известный нам капитан Геруэй. Но и ему не повезло: он тяжело заболел, и врачи считали, что дни его сочтены. И вот тут-то сыскался пропавший лист из церковной книги. Как вы думаете, где он был?

– У герцогини.

– Конечно же, – утвердительно кивнул лорд Баренс. – Теперь она претендовала и на возможное наследство нынешнего графа Бристоля.

Я слушал, удивленно открыв глаза. Уж как-то все это не сочеталось с милым и нежным обликом леди Бетси.

– Не знаю уж, каким путем родственникам герцога Кингстона стало известно о проделках этой милой леди, – продолжал наш наставник, – но факт остается фактом. Безутешная вдова получила судебный иск за двоемужие. Руководствуясь духом закона, а может быть, и не только им, высокий суд лишил леди Чедлэй герцогского титула, оставив ее, впрочем, законной графиней Бристольской. Однако все состояние, завещанное супруге престарелым герцогом, осталось в ее руках как назначенное лично ей, а не женщине, носящей титул герцогини Кингстонской. Вот так-то. Но спустя некоторое время выздоровел неизлечимо больной Геруэй, что вовсе не обрадовало нашу спутницу, поскольку нынешний граф Бристольский обещался преследовать свою бывшую супругу в суде, пока в конце концов не упечет ее в Ньюгейтскую тюрьму, даже если ему придется потратить на это все свое время и состояние. В результате этого светского скандала чрезвычайный посланник короля Георга с племянником плывут под французским флагом в Санкт-Петербург на борту роскошной яхты герцогини Кингстон. В далекий сказочный Санкт-Петербург, где бурые медведи бродят меж вызолоченных дворцов и где никто даже не подозревает о решениях английского суда верхней палаты, выкинувшего нашу любезную хозяйку за пределы светского общества. – Дядя развел руками, завершая свою речь.

– Да, но сорок пять лет?... – Я вновь вернулся к вопросу, который, признаться, занимал меня более, чем дразги из-за какого-то наследства и прежние амурные похождения прелестной герцогини.

– Здесь мы подходим к самой странной части истории Бетси Чедлэй. По слухам, курсирующим при дворе, месяца два тому назад, быть может, чуть более, стареющая красавица прошла полный курс омоложения у известного мага и великого копта, магистра всего и вся, ну, в общем, у самого Калиостро. Результат, как ты видишь, превосходит всякие ожидания.

– Такое возможно?! – недоумевающе глядя на Баренса, пробормотал я.

Тот пожал плечами:

– Жить в мире, не веря в то, что считается общепризнанным, крайне неблагодарное занятие. Я знаю, что у нас там, за зыбкой стеной этого мира, – он сделал неопределенный жест рукой, словно причисляя нас к воинству ангелов, – в лабораториях проводятся опыты подобного рода: кто-то что-то блокирует в гене, и организм перестает стареть, а еще есть клонирование, силиконы, золотая проволока под кожу. Кстати, говорят, подобным методом пользовалась еще доброй памяти царица Клеопатра. Для меня же все это непроходимые джунгли. Сегодня понятно только одно. Всякий просвещенный человек знает, что омоложение – процесс непростой, трудоемкий, но вполне возможный. И Калиостро в этом самый большой спец. Бетси Чедлэй тому прекрасный пример. И не она одна.

– Кстати, дядя Джордж, я все забываю вам сказать, что доктор, который лечил меня в Кале, был именно граф Алессандро Калиостро.

– И ты молчал? – нахмурился лорд Баренс. – Мой мальчик, запомни, о подобных людях надо докладывать, даже если их появление на первый взгляд ничего не значит или же обусловлено естественным ходом событий. Их появление всегда что-нибудь да предвещает. Это аксиома. Ты что-нибудь слышал из того, что он говорил?

– Да... Пожалуй, да... – Я мучительно напряг память, стараясь получше вспомнить все происходившее в каюте во время визита доктора. Но надо сказать, данный им отвар отнюдь не способствовал усилению моей памяти. – Он едет в Петербург, кажется, через Митаву... По-моему, вы очень интересуете его. И еще, – я замолчал, перепроверяя в уме правильность моих наблюдений, – он разговаривал с леди Чедлэй так, – я запнулся, подбирая слова, – будто они не просто близко знакомы.

– Ну, это-то как раз понятно. Я думаю, после омоложения связь у них более чем тесная.

– Прошу прощения, милорды. – Питер Редферн, невозмутимо чинный, словно эталон английского камердинера, возник рядом с нами, будто фигура все отмеряющего времени на башенных часах городской ратуши. В руках у него был инкрустированный золотом небольшой складной столик черного дерева. – С вашего позволения, час завтрака. – Он установил передо мной свою поклажу и дал знак одному из ожидавшихся команды слуг принести второе кресло для лорда Баренса.

Приказание было выполнено молниеносно, и спустя мгновение он уже оглашал список блюд, выстраиваемых перед нами на столешнице.

– Поросенок, жаренный по-французски а-ля Пьерфон с арахисовым соусом, куропатка с артишоками и верченые куртусаны с чесноком и грецким орехом по-ангулемски...

Похоже, предлагаемое нам меню ограничивалось только площадью стола, а впереди еще ждал десерт и карта вин. Я с ужасом представил себе пьяного толстяка, страдающего сахарным диабетом, тяжело переваливающегося вниз по трапу в сиятельном Санкт-Петербурге, и эта картинка меня не порадовала. Полагаю, что Калиостро, выписывающий мне эту диету, имел в виду нечто другое. К тому же перехваченные мною взгляды матросов, бросившихся по команде капитана подбирать стаксель, навели меня на мысль, что обзаводиться брюхом, пожалуй, рановато. И уж, во всяком случае, небезопасно. Однако пока что голодный бунт на яхте, казалось, не намечался, и мы продолжали свою трапезу, сопровождая ее неспешной беседой.

– Итак, мой мальчик, – вещал лорд Баренс, довольный сытным завтраком и тонким букетом вин, – я хочу рассказать тебе о масонах. Быть может, это и не лучшая тема для разговора за завтраком, но это будет тебе полезно, раз уж нам придется иметь с ними дело. Должен сразу предупредить, что всемирный масонский заговор, о котором голоса разного рода умники, на мой взгляд, абсолютный бред.

– Как и нападение Джон Пол Джонса? – поспешил вставить свою шпильку я.

– Полноте, дорогой племянник, – усмехнулся лорд Джордж, отмахиваясь от моего замечания. – Здесь совсем другое дело. Вся беда или же, наоборот, счастье в том, что ни масоны, ни уж тем паче приписываемые им собратья иудеи не способны прийти к единому мнению даже по самому малому, самому ничтожному вопросу. Заставь их обсуждать количество лучей звезды Давида и можешь мне поверить: те, кто будет настаивать на шести, останутся в меньшинстве.

Масонов много. Действительно очень много. В наш век, прости, в наш восемнадцатый просвещенный век, для цивилизованного человека не быть масоном почти то же, что не уметь писать. С тех пор как Вольтер вышел победителем из схватки с Всевышним, с тех пор как он сделал его немодным, масонские ложи – единственный путь духовных исканий для большей части мыслящих людей. Кстати, в Ложу «Девять Сестер», которую осчастливил своим членством вышеупомянутый Вольтер, входит еще ряд людей, чьи имена пока что неизвестны, но скоро им суждено загреметь по всему миру.

– Например?

Лорд Баренс посмотрел на солнце сквозь золотистое шенонсо, игравшее в хрустальном бокале:

– Не правда ли, дивный цвет? – Он пригубил вино и замолчал, вслушиваясь в его вкус. – Прекрасное вино! Чуть больше солнца, чем в Англии, чуть другая земля, и в результате такое прекрасное вино. По легенде, его приготовили для возлюбленной короля Генриха II Дианы де Пуатье, смешав виноград из Анжу и Вуврэ. Говорят, в этом вине один из секретов неувядающей молодости прелестной фаворитки. В шестьдесят лет она пленяла всех свежестью кожи и безупречно округлой формой груди. – Он усмехнулся, возвращаясь мыслью к братьям масонам. – Однако вернемся к нашим баранам. Вы хотите имена? Пожалуйста. Бенджамин Франклин, вы его должны помнить по пятидесятидолларовой купюре, Кондорсэ, Дантон, Камилл де Мулен, там же, кстати, и братья Монгольфьеры. К сведению, Робеспьер, Мирабо и прочие друзья народа тоже в курсе символического значения циркуля и молотка. Да что там, весь командный состав американской армии, начиная от главнокомандующего и заканчивая низшими офицерскими чинами, принадлежит к числу масонов. А то, что уже вошло в историю как «бостонское чаепитие», и подавно совершено в перерыве заседания масонской ложи. Но я повторяю, все это не потому, что такова политика масонских лож, а потому, что легче отыскать негра среди предков английской королевской фамилии, чем немасона среди современных просвещенных людей. Вся их секретность – дым, отчасти ради игры в высокие тайны, отчасти для придания себе значимости, обычно в собственных же глазах. Революционность вовсе не черта масонства. Не верите? Тогда возьмите, к примеру, Пруссию, где одно только упоминание о правах и свободах приводит власть в состояние дикой ярости. Там в масонах, почитай, все дворянство, включая Фридриха II.

– А что же Россия?

– Россия? – переспросил лорд Баренс, как видно, собираясь с мыслями, чтобы лучше объяснить положение дел в местах, куда лежал наш путь. – Конечно же, эта зараза не обошла и ее. Насколько я знаю, в Россию ритуалы вольного строительства завез император Петр вместе с другими иноземными диковинами. Понятное дело, я говорю не о покойном муже нынешней императрицы, а его предке. Он же организовал и первую ложу в Кронштадте. Впрочем, там масонство не получило широкого распространения. Вероятно, европейский мистицизм далек славянскому духу, но факт остается фактом, российское масонство в сравнении с европейским и американским – детский лепет. Кучка любопытствующих сановных франтов в ожидании фокусника. Кстати, фокусник, похоже, туда уже направляется.

– Вы имеете в виду Калиостро?

– Его самого, друг мой, его самого. Но нас сейчас волнует совершенно другое. Я уже говорил тебе об этом. Под крышей одной из петербургских лож работает наша резидентура. Долгое время это было идеальное прикрытие. Тайнственность, высокие звания, масонский храм, где наши успешно оборудовали камеру перехода. В общем, лучше не придумаешь. Но буквально месяц назад российский адмирал и мастер Ложи «Аристия» граф Алексей Орлов, брат фаворита государыни, привез в Санкт-Петербург некую очаровательную самозванку, которую я пару лет назад знал в Париже под именем графини де ла Тремуйль. Теперь она выдает себя за дочь императрицы Елизаветы и гетмана Разумовского.

Все было бы ничего, если бы в любовном чаду граф Орлов не высказался в таком духе, что, мол, посадили на престол одну императрицу, можем посадить и другую. Он, видимо, забыл, что у стен есть уши. А у них, кроме ушей, оказался еще и длинный язык. Думаю, излишне говорить, что среди людей, приведших Екатерину на престол, было изрядное число масонов. Поэтому государыня довольно долго мирилась с наличием близ трона всех этих архитекторов царствия Божия. Впрочем, не благоволя им. Однако теперь у нее появился повод присмотреться к ним получше, и то, что она увидела, ее, прямо скажем, не обрадовало.

Беда не в том, что молодые люди, нацепив передники, изукрасив свой наряд символами мертвой головы и стройинвентарем, игрались в наследников убиенного строителя Соломонова храма, дедушки Хирама. И не в том, что они пытались постичь законы мироустройства, деля свое время между мистериями и оргиями. В конце концов, все это всходы посеянного самой же Екатериной вольтерьянства. Беда в том, что все без исключения российское масонство имело посвящение германское, шведское или французское. В общем, как принято говорить там у нас, вероятного противника.

Постарайтесь понять, это весьма важно – Екатерина не природная правительница России. У нее здесь нет корней, нет своего клана, готового поддержать каждое ее начинание. По большому счету, ее права на российский престол более чем иллюзорны. Она бесприданница из крошечного Ангальт-Цербстского герцогства. Это младшая ветвь Асканийского дома. Ее величество великолепно помнит, что брак, приведший ее на трон, это результат политической игры императора Фридриха, наперсника императрицы Елизаветы Лестока, французского посланника де Шатарди и вице-канцлера Бестужева. Она казалась самой смиренной, самой безопасной кандидатурой на роль супруги внука основателя Российской империи, к тому же обладающего правом на датскую корону и Гольштейнское герцогство, запирающее выход из Балтийского моря. Вы помните, как рвалась к власти тихоня Фике и как ее получила? То, что теперь делает эта женщина в России, – вещь неслыханная. Перед ее деяниями меркнут даже петровские реформы.

Что же сегодня получает Екатерина от российского масонства? Поддержку? Вовсе нет. Она получает агентов влияния, способных открыть замыслы чересчур самостоятельной императрицы всем возможным врагам. Простит она такое? Да никогда!

– А как же наша ложа? – улучив паузу в страстном монологе лорда Баренса, поспешил спросить я.

Чрезвычайный посланник поморщился:

– Вопрос остается открытым. Скорее всего мы постараемся придать этому творению чуждого, то есть нашего, разума иную форму. Ну и, конечно же, самые верноподданнические устремления. Девиз сезона: «Свобода есть вдохновенное служение Вышнему. Служа другому – истощаюсь».

Заглушая последние слова моего собеседника, пронзительно заныла боцманская дудка:

– Убрать винджсейл! Приготовиться к повороту оверштаг!

Я посмотрел за борт. Волны, по которым неслась «Сельвания», казалось, посерели, словно кто-то выстирал в них гору грязного белья.

– Меняем галс, – отметил лорд Баренс. – Входим в проливы. Гиблое место. Придется брать лоцмана. Кстати, Вальдар. – Лорд Баренс посмотрел на меня со странно хитрым выражением. – Чувствуешь ли ты небывалый подъем и прилив сил?

Я посмотрел на него удивленно:

– Не то чтобы очень.

– А зря! Сними шляпу, мой мальчик. Мы входим в воды Вестфольда.

Услышав эту тираду, я прочувствованно уставился на горизонт, стараясь представить себе, как вылетает из-за какого-нибудь встречного островка дракар моих могучих предков под черно-алыми парусами. Однако вдали не было видно ни острова, ни фьорда, ни самого малого захудалого парусника.

Глава пятая

С тех пор как Петр Великий про-рубил окно в Европу, отбоя нет от форточников.

Вице-канцлер Бестужев

Эту страну мои давние предки величали Гардарика – гряда городов. Величали с почтением и охотно шли на службу к здешним государям, укрепляя державу россов и овеая свои имена вечной славой.

Прямо по курсу «Сельвании» лежал Санкт-Петербург, откуда отдаленный потомок этих вольных конунгов планировал грозить шведам через прорубленное в Европу окно. Все на «Сельвании» готовились к торжественному прибытию. Яхта украшалась словно для адмиральского смотра. Слепила глаза позолота, плескали по ветру вымпела, и чуть голубоватые паруса из Нима сменили просоленную ветром и морскими брызгами рабочую походную парусину. Я уже вполне окреп, и лишь рука, по-прежнему висящая на перевязи, напоминала о недавних передрягах.

Проникаясь царившим вокруг возбуждением, я старался представить, чем встретит меня Северная Пальмира. Представить то, что должно было составлять мою будущую работу. Спокойнее всех казался лорд Баренс. Только ритмичное постукивание тростью о палубу выдавало его волнение. Все ближе и ближе была петровская столица Российской империи. Когда же марсовый закричал, что на горизонте виден град Петра, он последний раз стукнул тростью и поспешил удалиться в каюту, дабы принять соответствующий высокому статусу вид.

Уже вышел наперерез нам, бороздя Маркизову лужу, патрульный бриг из Кронштадта. Уже виднелся в подзорную трубу ангел на крепостном шпиле и кресты на храме у входа в Неву.

– Господи боже мой! – послышалось внезапно за моей спиной. – Так ведь это же Никола Морской.

Я едва удержался, чтобы не обернуться. Голос, пробормотавший эти слова, был вполне знакомым. Не стоило даже оборачиваться. Он принадлежал Питеру Редферну. Первоклассному английскому слуге Питеру Редферну. Вот только слова эти были произнесены на чистейшем русском языке. Система «Мастерлинг», которой был оснащен мой «символ веры», позволяла мне судить об этом вполне определенно. Я скосил глаза на выдраенный до блеска иллюминатор, в котором отражался Питер, и то, что я увидел, поразило меня не менее, чем то, что я услышал. Камердинер лорда Баренса истово осенял себя крестным знамением. Насколько я мог судить, исконно православным. Я активизировал мыслесвязь:

– Дядя, у меня для вас странная новость. – Думаю, удивление в голосе читалось даже по телепатической связи. – Есть основания предполагать, что ваш камердинер, как бы это так точнее выразиться...

– Гони его сюда, – возмущенно рыкнул лорд Баренс. – Я тут не могу выбрать, какой камзол лучше надеть. У меня до сих пор парик не пудрен, а его где-то носит!

– Дядя, он русский!

– Это еще не повод для того, чтобы забывать о своих обязанностях! Гони его сюда, бездельника! Погоди... Как русский?! Ты ничего не путаешь? Он же канадский француз!

Признаюсь, тут пришла моя очередь удивляться.

– Ладно, позже разберемся, – вернул меня к действительности лорд Баренс. – Гони его сюда! Русский он или нет, а одеться-то мне надо.

Прерывая нашу неслышную чужому уху беседу, грохнула пушка с Петропавловской крепости, потом еще одна и еще одна, отвечая на наш салют национальному флагу России. Когда умолкла крепость, канониры «Сельвании» вновь засуетились у пушек, спеша еще семнадца-

тью залпами поведать дружественной столице о прибытии чрезвычайного посланника. Когда наконец утихла канонада, яхта чинно, я бы даже сказал, высокомерно подошла к пирсу, где в ожидании брошенных с борта швартовых уже замерли вышколенные матросы гвардейского экипажа. Английская набережная едва вмещала зевак, собравшихся посмотреть швартовку роскошной иностранной яхты. Почетный караул оттеснял их от берега, давая нам дорогу. Над всем этим людским скопищем висел возбужденный многоголосый гул, время от времени разрываемый резкими щелчками кнутов. Это сидящие на козлах кучера отгоняли чересчур любопытствующих бездельников от карет нашего кортежа.

Первым на трапе появился лорд Джордж, в кои-то веки сменивший элегантный редингот почтенного немолодого джентльмена на сверкающий в лучах солнца вызолоченный малиновый камзол с кисточками а-ля «полонез» и синюю ленту с красными полосами по краю английского ордена Святого Георгия.

– У них тут абсолютная безвкусица, – прошептал он мне через плечо. – Ты сам увидишь, как одевается их знать. Чем ярче, тем лучше. Побольше золота, побольше шитья – иначе они не понимают. Даже в Париже так уже не носят лет пять. Так что ты со своим прошлогодним вкусом прослывешь у них франтом.

– Господи, неужто дома, – услышал я за спиной тихое бормотание Редферна.

* * *

– Послушай, Вальдар, – начал лорд Баренс, когда мы, сопровождаемые конным эскортом, мчались в карете к особняку английского посольства. – Положение дел следующее: сейчас мы отправляемся в посольство. Затем, отобедав, едем в Царское Село. Там по будним дням находится императрица вместе со своим двором. Постарайся понравиться государыне, поскольку тебе придется просить ее покровительства. Я разговаривал с послом. Сегодня он, так и быть, закроет глаза на твое присутствие в стенах посольства, но не более. Не забывай, тебя надлежит задержать и препроводить в Лондон под стражей.

Я кивнул головой, давая понять, что помню о своем «злодействе». Карета стучала колесами по дощатому уличному настилу, щелкал бич, погоняя запряженную цугом четверку, и за окошками мелькали мосты и каналы Северной Венеции. Петербург Петербургом, но попадать в Тауэр с билетом в один конец мне вовсе не хотелось. Впрочем, кажется, Тауэр в эти годы не использовался в качестве тюрьмы, но в корне это дела не меняло.

– У нашей герцогини в этом городе куплен особняк, – продолжал лорд Баренс. – Зная ее вкусы, можно предполагать, что в нем при желании свободно расквартируется гренадерская рота. Постарайся убедить ее в том, что там должно найтись место для тебя. Думаю, это получится. Поверь моему опыту. – Лорд Баренс хмыкнул. – Мне отчего-то кажется, что тебе предстоит пережить бурный роман с этой пожилой леди. – Он испытующе посмотрел на меня.

Я попытался с возмущением отвергнуть грязные инсинуации, но дядя решительно прервал речь защиты:

– Пустое, мой дорогой. Твои амур и купидоны меня в целом не касаются, но с герцогиней Кингстон случай особый. Я хочу, чтобы ты как можно внимательнее следил за ее связями, знакомствами, причем не только светскими.

– Милорд, – возмущенно начал я. – Мне претит ремесло шпиона!

– Стоп, стоп, стоп! Не так бурно, – прервал мои излияния лорд Джордж. – Чувства твои понятны, но к работе они отношения не имеют. Вам, сударь, я рекомендую подумать о другом. Герцогиня Кингстон – дама, конечно, очаровательная, но цель ее поездки сюда лично для меня не очевидна. Можно утверждать лишь одно: она напрямую связана с предстоящим визитом твоего давешнего лекаря. Я готов поспорить на что угодно, Калиостро едет в эти края отнюдь не любоваться российскими пейзажами. Здесь что-то должно произойти. А волны от этого

«чего-то» могут быть такие, что какие-нибудь слаборазвитые цивилизации по соседству просто смоят.

Карета остановилась, давая возможность слугам отворить кованые створки ворот английского посольства.

– Да, кстати, – бросил мне дядюшка, отсутствующим взглядом глядя на вытянувшихся у ворот лакеев. – Напомни мне после приема у государыни поговорить с Питером о его русских корнях.

Все те же мы, весь мир для нас чужбина.
Отечество нам Царское Село.

Стихи эти всю дорогу от Санкт-Петербурга до летней резиденции императрицы крутились у меня в голове. Насколько я помнил, великий русский поэт, обессмертивший сии места, еще не родился, но, возможно, уже существовало то, что вело его рукой, когда он писал эти строки.

Признаться, меня распирало любопытство, ожидание какого-то чуда. И в тот момент, когда мы подъехали к главным воротам, я понял, что оно происходит. Не веря глазам своим, я высунулся из кареты, чтобы лучше рассмотреть золоченое чугунное кружево, которое здесь попросту именовали воротами. Высоченные гвардейцы, дежурившие у въезда во дворец, поначалу напряглись, заметив мое движение, но, поняв, что послужило ему причиной, приняли вид настолько довольный, как будто именно они в часы досуга сплели этот непревзойденный шедевр кружевного искусства.

– То ли еще будет, – заверил меня многоопытный придворный. И он не обманул.

Короткое северное лето, которое все тот же русский гений назвал карикатурой южных зим, государыня Екатерина обычно проводила в Царском Селе, лишь изредка наведываясь в столицу для неотложных официальных дел и торжественных молебнов. Надо отдать ей должное, она любила и умела жить со вкусом. Возможно, наверстывая упущенное в небогатом детстве и безрадостной юности, она возводила сказочные дворцы, представляя себя в них, видимо, сказочной же королевой. Впрочем, эта милая фантазия никоим образом не мешала ей рукою твердой и властной держать бразды правления великой державой.

Сегодня их императорское величество ожидала к себе на ужин посла Англии, чрезвычайного посланника дорогого кузена Георга с племянником и сиятельную герцогиню Кингстон, которая вроде бы как приходилась родней английскому королевскому дому. Правда, узнав о последнем приглашении, посол Британии собрался было заявить решительный протест, но, сообразив, что поливать грязью спутницу чрезвычайного посланника означает бросать тень на него самого, сказался незнанием щепетильных нюансов истории походов Элизабет Чедлэй.

Итак, нас ожидал ужин, что на языке дипломатии означало вовсе не совместную трапезу, а неофициальную личную встречу на фоне столов, ломящихся от яств. Официальный прием в честь прибытия чрезвычайного посланника ожидался лишь через два дня в Зимнем дворце.

Пройдя мимо караула лейб-гренадерского полка, мы по парадной лестнице поднялись наверх, где уже несли стражу кавалергарды в алых мундирах, серебряных кирасах и касках, увенчанных черными плюмажами. Обилие перьев делало их неуловимо похожими на индейцев. Прошествовав мимо этих молчаливых гигантов, замерших навтыжку с карабинами в руках, мы очутились в парадной белой столовой, где уже собралось общество, ожидавшее выхода государыни. Едва мы переступили порог залы, к нам подлетел, я бы даже сказал подпорхнул, церемониймейстер, спеша указать «место в строю». Все это неумолимо напоминало мне какое-то театральное действо, причем единственными зрителями его были сами актеры. Конечно, если не считать господ кавалергардов. Впрочем, и они старательно играли роль живых статуй, казалось, даже не мигая от усердия. Оглядевшись с нескрываемым интересом, я

прошел к камину, желая со стороны взглянуть на собравшихся в этих роскошных декорациях действующих лиц.

Камин горел не столько для обогрева помещения, сколько для того, чтобы не дать расплзтись по нему появлявшейся под вечер сырости, вообще свойственной здешнему климату. Заметив этот маневр, лорд Баренс поспешил присоединиться ко мне, желая в свободную минуту дать последние наставления и рекомендации начинающему царедворцу.

– Посмотри на этого красавца в форме шефа кавалергардского корпуса – это невенчаный муж императрицы граф Григорий Орлов. Оч-чень влиятельная особа. Хотя с недавнего времени, судя по донесениям наших агентов, между «супругами» наметилась какая-то прохладца. И все же я бы советовал обратить на него внимание. Он совсем не промах, и сбрасывать его со счетов было бы неразумно. Вот этот, справа от него, который так мило разговаривает с Орловым, – российский канцлер Панин. Приглядитесь к нему внимательнее, коварство у него написано на лбу большими буквами, и его не спрячешь ни под каким париком. Его, более чем кого бы то ни было из окружения императрицы, можно назвать злым гением России. Он состоит на жалованье у всех европейских монархов. Это не мешает ему оставаться весьма влиятельным человеком, воспитателем наследника цесаревича и любовником государыни. Кроме того, он славится гаремом, не уступающим размерами и роскошью гарему египетского султана.

А вон тот подполковник Преображенского полка со шрамом...

Я не успел узнать, чем же знаменит указанный подполковник, когда расторопные церемониймейстеры спешно бросились расставлять гостей в расписанном порядке, а воздвигнутый у дверей гофмаршал в мундире, будто облитом золотом, трижды стукнул об пол своим жезлом.

– Ее императорское величество Екатерина II, императрица и самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская и Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская...

Выворачивались шеренги, четко звякнули карабины кавалергардов, все актеры предстоящей мизансцены смиренно замерли в ожидании появления примадонны.

– ...Царица Сибирская, царица Грузинская, государыня Псковская, великая княгиня Смоленская, Литовская, Волынская, Подольская... – заученно вещал гофмаршал.

Полное перечисление титулов давало время, чтобы проголодаться, даже если перед началом их оглашения ты плотно поел. Разумная мера перед ужином. Я представил себе императрицу, ждущую окончания этого экзамена по географии, и мне отчего-то стало ее жалко. Надеюсь, список городов и губерний, входящих в ее владения, она все же слушала сидя.

Наконец усердный служака дошел до любимого мной титула «и прочая, прочая, прочая», и вслед за этим, подобно чертику из табакерки или, как говаривали древние римляне, «богу из машины», пред страждущие очи приглашенных к ужину явилась сама великая государыня.

Она была немолода, и я бы вовсе не назвал ее красивой. Насколько я мог судить, и в прежние времена тоже. Но было в ней что-то такое, что делало ее выше всех только что названных титулов. Победительная улыбка, которой она одаривала собравшихся, и твердый взгляд серо-голубых глаз, безусловно, выделяли ее среди находящихся в зале дам. Вслед императрице с сафьяновой папкой под мышкой торжественно вышагивал невысокий плотный мужчина с круглым лицом и хитрыми глазами.

– *Безбородко*, – пояснил по мыслесвязи лорд Баренс. – *Своего рода тень Екатерины. Известен прилежанием и чистописанием. Особенно ценен императрице умением складно формулировать ее мысли. Отменный казнокрад, но, впрочем, всегда блюдет интересы государыни, как свои. Или наоборот, кто его разберет. Полезный человек. У нас для него припасена пара картин Сальваторе Розы. Я уже повелел их ему доставить. Надеюсь, что сей достойный государственный муж это оценит. А в общем, мой тебе совет: всегда отмечай коллекционеров среди патриотов. Далее дежурные генералы,* – комментировал мой дядя. – *Вот этот красавец в завитом парике со звездой Александра Невского на груди – князь Александр Васильчиков.*

Полная пустота. Пожалуй, если бы на известный предмет мужского достоинства можно было вешать звезды, все остальные части тела ему были бы без нужды. Впрочем, о звезде Александра Невского мне еще не докладывали.

Слева от него генерал-майор князь Головин. Храбрец, служака. Для придворного чересчур прямодушен. Не думаю, чтобы он надолго задержался в свите. Не его стихия.

Между тем процессия, возглавляемая императрицей, все более приближалась к нам. Государыня то и дело останавливалась возле застывших в почтительном поклоне гостей, одаривая то одного, то другого милостью августейшего приветствия.

– Екатерина прошла мимо Орлова, не останавливаясь, – прошептал мой дядя. – Примечательный знак.

Следом за дежурными генералами шествовала женская группа поддержки.

– Графиня Брюс с фрейлинами, – пояснил дядя. Он собирался сказать что-то еще, но их величество резко затормозила перед посланником, одаривая его, на мой взгляд, вполне искренней улыбкой.

– Лорд Баренс, я рада вновь видеть вас в России, – на французском с легким немецким акцентом начала императрица. – Вы долго не навещали нас, друг мой.

– Увы, ваше величество, – тон моего дяди был сладок, как мед, – воля моего короля не дает мне счастья видеть вас столь часто, как бы мне того хотелось.

Довольная комплиментом Екатерина благосклонно кивнула.

– А кто сей джентльмен?

В эту секунду грохнул выстрел. С противоположной стороны зала и чуть левее меня. Заученным до автоматизма движением я шагнул вперед и развернулся в сторону выстрела, обнажая шпагу. Чего-чего, а стрельбы на императорском ужине я никак не ожидал. Но в кого бы ни целился неизвестный мне стрелок, он не должен попасть в моего подопечного.

Дамы взвизгнули, мужчины схватились за шпаги. Движения присутствующих как бы замедлились, и я увидел, как в мою сторону опускаются карабины кавалергардов. Я замер, пытаясь понять, что же произошло. Внезапно зала взорвалась хохотом и аплодисментами. Нормальное восприятие происходящего вновь стало возвращаться ко мне.

– Bravo! Bravo! Он закрыл собой императрицу!

За колышущейся шпалерой придворных я заметил кавалергардского капрала с мрачно-холодным выражением лица, волокущего за ухо расфранченного мальчишку лет двенадцати. Ухо у юнца было того же цвета, что и кавалергардский мундир, но тем не менее терзаемый сохранял стоическое молчание, не скрывая при этом явного удовольствия произведенным переполохом.

– Пажи куролесят, – услышал я за спиной чей-то голос. – Кто-то из кавалергардов задремал, а этот, ишь, шельма, стащил патрон – и в камин. Уж сколько раз их за это драли!

Я сконфуженно послал шпагу в ножны и бочком-бочком занял свое место в шеренге.

– Прошу простить меня, ваше величество. – Я склонился в поклоне, надеясь, что пудренный парик закрывает характерное покраснение ушей.

– Доблесть, молодой человек, в прощении не нуждается. И все же, – она повернула голову к моему дяде, – дорогой лорд Баренс, представьте смельчака.

– Ваше величество, это мой племянник Вальдар Камдил, лорд Камварон. Он прибыл вместе со мной в Россию, дабы искать покровительства у вашего величества.

– Неужели моему дражайшему кузену королю Георгу не нужны подобные храбрецы?

– Все дело в том, ваше величество, что мой племянник был чересчур усерден в решении вопросов чести.

Императрица смирла меня слегка насмешливым взглядом.

– Ну что ж, мы обдумаем ваши слова. – Она кивнула, выражая высочайшее удовольствие, и прошествовала далее.

Императорская тень в лице Безбородко притормозила возле чрезвычайного посланника и, получив из его рук опечатанный королевскими печатями пакет, двинулась вслед государыне. Лишь только взгляды, которыми обменялись дипломатические «зубры», отчего-то навели меня на мысль, что господин секретарь является искренним почитателем итальянской живописи.

Я не стану описывать ужин. Мне не дано обладать памятью голландских живописцев и запоминать вид и размещение блюд, установленных на столе, а все лежавшее на этих блюдах исчезало с такой скоростью, что я едва успевал сообразить, что это было. Когда гофмаршал скомандовал сворачивать трапезу, я был уже на излете. Мне уже были до боли понятны все эти пухлые ручки и толстые щеки на придворных портретах. «Так жрать нельзя, – корил я себя, давая обет завтра не притрагиваться к пище. – А то ведь скажут, приехал из голодной Англии в Россию отъедаться, а я, как-никак, того... невольник чести. Надо поддерживать форму».

Жезл церемониймейстера вновь загрохотал по паркету, призывая придворных принять участие в следующем акте сегодняшнего представления.

– Ломбер ее величества! – произнес жезлоносец с видом таким торжественным, будто сообщил присутствующим о высадке инопланетян посреди Дворцовой площади.

Сытые и довольные участники спектакля вновь выстроились в шпалеры, ожидая вызова к карточному столу. Впереди на правом фланге я увидел шефа кавалергардов, расправившего плечи, словно стремясь закрыть собой весь строй.

– Григорий Григорьевич, – обратилась к нему императрица с улыбкой любезной, как повестка в суд. – Мой дорогой граф, у меня для вас важное поручение. Мне кажется, полуденная пушка стреляла сегодня совсем не громко. Сходили бы, душа моя, разобрались, в чем дело. Вы ведь у нас генерал-фельдцейхмейстер.

Я увидел, как вспыхнуло гневом лицо недавнего фаворита.

– Я счастлив служить вашему величеству! – сцепив зубы, процедил он, улыбаясь недобро. – Но деяние это столь велико и столь ответственно, что я осмелюсь просить себе в помощники дежурного генерала вашего – князя Васильчикова. Дабы дать ему возможность героизмом своим в этом деле оправдать звезду, коей вы изволили нынче украсить его грудь.

Екатерина насмешливо посмотрела на Орлова, затем, через плечо, на побледневшего Васильчикова:

– А и то, князь, сходите, развейтесь.

Затем, напрочь теряя интерес к эскападам Орлова, она скользнула взглядом далее и остановила его на преображенском подполковнике.

– Первым моим партнером в игре будет Григорий Потемкин, вторым – лорд Джордж Баренс, третьей я желаю видеть графиню Брюс.

Представление было окончено, этикет соблюден, и с этого момента начиналась произвольная программа. Отыскав среди толпы придворных герцогиню Кингстон, я предложил ей руку, и мы отправились осматривать достопримечательности дворца. Что и говорить, кроме моего «дражайшего дядюшки», это было единственное лицо, знакомое мне здесь, и, признать, смотреть на это лицо мне с каждым днем становилось все приятней и приятней.

– Это ее возлюбленный, – услышал я за спиной негромкую русскую речь. – Непонятно, то ли она уехала за ним из Англии, то ли он за ней.

– Ну что вы! – произнес другой голос. – Конечно же, она. Говорят, он ужасный дуэлист, и уж точно известно, что он заколол на дуэли бывшего любовника этой прелестной молодой особы, герцога Гамильтона.

– Да ну!

– Вы же сами слышали, что говорил его дядя. Этот смельчак весьма рьян в вопросах чести.

– Говорят, герцогиня несметно богата, – поменял тему первый голос.

– Воистину несметно, – отвечал второй. – Вы бы видели, какую коллекцию картин она привезла в подарок государыне.

– Да, стоило бы за ней приударить.

– Не рекомендую, дорогой мой. Весьма не рекомендую.

Мы вышли из залы, и продолжения разговора я уже не слышал. Мы бродили по дворцу рука об руку, беседуя ни о чем, и я был рад, когда леди Бетси первой завела речь о поселении меня во флигеле своего дома. Я с радостью принял это предложение, и, сказать по правде, не только из-за дядюшкиных рекомендаций. Быть может, он и был прав, обвиняя герцогиню во всех смертных грехах, но чувства мои подсказывали совсем другое, и теперь у меня появлялся шанс самому выяснить правду.

Связь включилась как-то неожиданно. Вдруг передо мной предстал небольшой уютный кабинет с ломберным столом посередине, вокруг которого с картами в руках расселась уже знакомая мне четверка игроков. Внезапно дверь комнаты резко распахнулась, и в нее спиной вперед влетел гофмаршал, явно теснимый превосходящими силами противника.

– *Не велено пускать, не велено*, – жалобно твердил придворный.

– *Пшел вон, каналья*, – рывкнул на него появившийся следом Орлов и, схватив беднягу за грудки, выкинул его из комнаты.

– *Чему обязана, граф*, – ледяным тоном осведомилась Екатерина, не поднимая глаз от карт.

– *Пушка велела вам передать, что отныне будет палить во все жерло. Токмо дежурный генерал ваш, князь Васильчиков, в сей славной баталии тяжко ранен, ибо, запнувшись о камень ножкой, пребольно ударился головой о лафет*.

– *Благодарю вас за добрые вести, граф*, – все в той же интонации отвечала императрица.

– *Я вас более не задерживаю*.

Орлов забористо выругался и вышел, хлопнув за собой дверью.

– *Вальдар*, – попросил меня лорд Баренс. – *Распорядись, чтобы Редферн приготовил нашу карету. Не думаю, чтобы после этого визита игра продолжалась долго. А когда публика начнет разъезжаться, кареты битый час не дожدهшься*.

Связь исчезла. Я достал часы и, посмотрев на них, покачал головой с укоризной.

– Время позднее. Пора возвращаться.

– Но еще совсем светло, – возразила мне очаровательная спутница.

– Это белые ночи. Здесь летом белые ночи, – поспешил я блеснуть эрудицией.

Отловив ближайшего лакея, я послал его отыскать слугу лорда Баренса и велеть ему прийти сюда. Лакей почтительно поклонился и бросился выполнять поручение. Поговорив еще немного с герцогиней и заверив, что завтра же поутру не премину воспользоваться ее гостеприимством, я спустился вниз на свежий воздух.

Картина, представшая моему взору, была странна. Питер Редферн с достоинством высокооплачиваемого английского камердинера спешил на зов хозяина. Видимо, задумавшись, он едва не столкнулся с грузным мужчиной в адмиральской форме. Редферн посторонился было уступить дорогу и вдруг отпрянул как ужаленный и, зайцем соскочив с парковой дорожки, укрылся за высоким постаментом одной из статуй. Даже не заметив этого, адмирал прошествовал мимо, и я смог вполне отчетливо рассмотреть его. Ничего наводящего ужас в облике неизвестного флотоводца, на мой взгляд, не наблюдалось. Пыхтя, как паровой катер, адмирал прошел мимо меня и скрылся за дворцовой дверью.

– Питер! – окликнул я камердинера.

– Да, сэр! – ответил тот, появляясь из-за статуи.

– Готова ли карета?

– Да, сэр!

– Мы отправляемся через пять минут.

– Да, сэр! Слушаюсь, сэр! – ответил он, глядя на меня остекленевшими глазами.

Глава шестая

Говорите умно. Враг подслушивает.
Станислав Ежи Лец

Наша карета резво неслась в сторону Петербурга. Помнится, по этой вот дороге пешком, то ли для того, чтобы сэкономить деньги на кучере, то ли стараясь надыхаться вволю, гулял уже упоминавшийся мною великий русский гений. Во всяком случае, так рассказывала мисс Элейн Трубецкая, преподававшая у нас в Итоне химию. И по совместительству, для желающих российскую словесность. Образ поэта, вышагивающего многие версты с тростью, залитой свинцом, с детства накрепко врезался в мою память.

– Ну, каковы твои успехи? – поинтересовался лорд Баренс, когда мы выехали из парков, окружающих Екатерининский дворец.

– Леди Бетси предоставляет в мое распоряжение флигель своего дома.

– Это хорошо, – кивнул мой дядя.

– Честно говоря, я, как ни смотрю, не могу представить себе за ней всех тех преступлений, о которых вы говорили.

– Зато я, дорогой племянник, очень хорошо могу представить, как ваше сердце наполняется трепетанием при взгляде на прелести объекта вашей разработки. Послушай, Вальдар, я уже говорил и готов повторить: она приехала сюда не просто так. И Калиостро едет сюда не просто так. Даже если предположить, что, вернув герцогине молодость, он вверг ее в клинически невинное состояние, значит, ему так нужно. Дай бог, чтобы замыслы этого шарлатана ограничивались какими-либо финансовыми операциями. Однако, судя по последним его странствиям среди европейских монархов, здесь может быть совсем другая игра. – Он задумался, вероятно, пытаясь мысленным усилием проникнуть в коварные планы графа Калиостро. – Да, кстати. – Лорд Баренс расстегнул карман камзола. – На, подари при случае герцогине. – Он высыпал в ладонь пригоршню крупных розовых жемчужин. – Мой сегодняшний выигрыш, – пояснил лорд Джордж. – У нее этого добра навалом, но все равно будет приятно. Она любит жемчуг и бриллианты, а ты зарекомендуешь себя галантным кавалером, а не только лихим рубакой.

Связь активизировалась внезапно. Впрочем, она всегда включалась без предупреждения, заставляя меня с непривычки дергаться.

– Пройдет, – заметив мое рефлекторное движение, махнул рукой мой первый номер. – Послушаем, что агентура сообщает.

– *Хохол, сколько можно тебя ждать!* – раздался раздраженный голос, судя по характерному акценту, явно принадлежащий Екатерине.

– *Прошу простить меня, ваше величество, я готовил бумаги для доклада.*

– Наш агент Безбородко?! – ошарашено прошептал я, словно опасаясь, что нас могут подслушать.

– Это была бы большая удача. Но нет. Кроме того, ты же сам видишь, наш агент только слышит происходящее, иначе дал бы картинку. Порадуемся тому, что есть.

– *Что у тебя там?* – продолжала императрица.

– *Румянцев докладывает из Бендер, что, невзирая на Кучук-Кайнарджикский мир и многие славные победы русского оружия, турецкая Порта в сих местах имеет недобрые замыслы и резоны к дальнейшему ведению войны. А посему он просит выделить солдат и средства для усиления днестровской крепостной линии, а также напоминает о намерении вашего величе-*

ства направить отдельный корпус для приведения в российское подданство полученного нами по договору Крыма.

– Хорошо, завтра же соберем военную коллегию. Из Польши что?

– После взятия Суворовым Краковского замка явное восстание подавлено, но французы продолжают интриговать и слать своих эмиссаров, а разрозненные отряды инсургентов таятся в лесах как самой Польши, так и в Литве, Белоруссии, Волыни и Подолии. К тому же полякам, как и туркам, помогает Австрия.

– Что ж ей-то неймется?

– С одной стороны, при австрийском дворе, видимо, считают, что часть Польши, доставшаяся им по договору, не так хороша, как бы хотелось. А с другой – усиление России при вашем правлении вообще не дает спать европейским монархам. Пожалуй, лишь Георг III является последовательным другом вашего величества.

– Георг III? – Слова Безбородко явно отвлекли императрицу от своих мыслей. – Да, но об этом после. Сейчас недосуг. Значит, в Польшу все еще неспокойно. Изловлен ли Карл Радзивилл?

– Никак нет, государыня-матушка. И он, и граф Огинский пребывают в Париже, где живут в большом фаворе под крылом короля Людовика.

– Идиот! – Compliment Екатерины своему коронованному собрату был отвечен явно от чистого сердца. – Я понимаю, что Польша – это всего лишь задворки Франции, но как бы его величеству не пришлось на себе почувствовать, насколько пагубно давать покровительство разного рода мятежникам. Пламя в карман не спрячешь. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день все эти повстанцы примутся и за самого покровителя. #Каковы новости о Пугачеве?

– Бунтовщик отбит из-под Оренбурга, но ушел в степи, где поимка его представляет большие трудности.

– Медленно, Безбородко, медленно! Подумайте, кем можно заменить Суворова в Польшу, пусть отправляется на Яик. Завтра доложите мне перед военной коллегией ваши соображения.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Хорошо. Что у нас еще?

– Разыскание по делу о злоумышлениях братьев Орловых. Достоверно известно, что граф Григорий Григорьевич содержит на свой кошт тысячу гвардейских солдат, кои готовы действовать по единому его слову. Известно также, что хвастал он в присутствии Александра Кирилловича Разумовского, мол, за месяц они могут сместить ваше величество с трона.

– А тот что?

– Ответствовал, что вздернуть Орлова можно и в неделю.

– Славный ответ. Отличить молодца.

– Также известно от верных лиц, что Орлов имеет беседы с иерархами Церкви, в которых поносит ваше величество, называя себя верным защитником православия.

– К долгополым, значит, Гришка подался. Ну и быть ему самому долгополым! Я ему сие «православие» припомню. Что полюбовница братца его рассказывает? – Тяжелый вздох, раздавшийся в кабинете, казалось, был явственно слышен и без связи через версты, нас разделявшие.

– Утверждает, что она дочь Елизаветы Петровны и, стало быть, прямая государыня всея Руси. Обещает отречься от власти в вашу пользу, ежели вернут ее к законному супругу графу Алексею Орлову.

– А Алехан что же?

– В Острове из конюшен не вылезает. В разъяснении своем написал: мол, вез передать ее в руки вашего величества; венчал их ложно поп-расстрига из команды флагмана; ну и, мол, предан...

– Ах каков подлец! Самозванка-то покрепче, чем он, духом будет. Ладно, продолжай дознание. С Орловых глаз не спускать! В Остров вели послать команду преображенцев, пусть поберегут героя. Хотя постой, днями он сам здесь явится. Чесму праздновать будем. Но людей вели к нему приставить. Что там наши искатели вечной истины? Отыскали свою исконную мудрость?

– С позволения вашего величества, наш человек докладывает, что бывший гофмейстер герцога Брауншвейгского господин фон Рейхель, мастер масонский, привезший в Россию шведскую систему строго повиновения, ведет переговоры с действительным статским советником Елагиным о соединении восемнадцати российских лож под единым уставом.

– Строго повиновения, конечно же? Дабы умники наши, сами того не ведая, работали на дядю Фрица? Пожалуй, это уж слишком!

– К этому следует добавить, ваше величество, что известный маг, прорицатель и великий магистр граф Калиостро более недели тому появился в Митаве, творил там всякие чудеса и якобы изъявлял желание далее ехать в Санкт-Петербург.

– Что этому шарлатану здесь надо-то?

– Не могу знать, ваше величество.

– А должен бы. На то я тебя секретарем и держу. Узнай и доложи. Ладно, давай сообщай, о чем пишет наш дорогой кузен король английский. Вижу, не терпится тебе.

Судя по паузе, наступившей после этого вопроса, Безбородко явно замялся, подыскивая слова.

– Видите ли, ваше величество. Король Георг III просит у вас помочь ему военной силой против американских мятежников.

– Что же это у него, солдаты перевелись?

– Дело в том, что генералы, коих Георг посылает в колонии, такие же масоны, как и те, кто воюет против них на стороне повстанцев.

– Вот тебе и еще один резон, чтобы искоренить сие вредное семя. Так чего же хочет от нас Георг?

– Ваш кузен обещается заплатить по двадцать пять соверенов за каждого конного и по десять за пешего. Плюс к этому он готов взять на себя все расходы по снаряжению похода. А это составляет...

– Ты толком говори! Расчеты я и сама вести умею.

– Король Георг просит двадцать тысяч казаков для подавления мятежа.

– Это он верно придумал. Среди казаков масонство не в заводе. Да только где я ему двадцать тысяч казаков-то сыщу. Они, поди, не на грядках растут...

– Король Георг обещает широкие морские привилегии для России. К тому же он пишет, что король Франции Людовик XVI тайно помогает инсургентам оружием и людьми.

– Морские привилегии для России вещь полезная. Ежели Англия для нас навигацкий акт отменит, из того большая польза проистекать будет. Да и Людовику нос укоротить не мешало бы, чтобы не совал его в чужие дела. Да только казаков где взять? Хотя... – Екатерина помедлила. – Есть тут у меня одна мысль. Бредовая, но отчего бы не попробовать?

Даже по закрытой связи было слышно, что мысль, пришедшая в голову императрице, была весьма ей по вкусу.

– Что, если мы в Америку отошлем Емельку Пугачева с его разбойниками? А вдобавок еще и своих масонов отдадим. С правом казнить их лютой смертью, коли брыкаться станут.

Безбородко явно был ошеломлен подобным предложением.

– *Мысль великая, государыня, –* придя в себя, выдавил он. – *Да вот только как сие предприятие свершить?*

– *Это твоя забота, голубь мой. Думай. Завтра мне свои соображения изложишь. Есть ли еще дела?*

– *Никак нет, ваше величество.*

– *Тогда свободен. Да, вот еще что: найди-ка Циклопа, пусть сходит к князю Васильчикову да выгонит его из дворца. Пускай тот катит в Москву и впредь до моего повеления не возвращается. И вот, –* Екатерина сделала паузу, видимо, обдумывая слова, – *разузнай-ка мне поболее о том английском офицере, который меня на балу собой закрыть тицлся. Как там его, то бишь?*

– *Вальдар Камдил, ваше величество, лорд Камварон.*

– *О нем самом, душа моя. А теперь иди, я нынче притомилась.*

Связь исчезла так же внезапно, как и появилась, видимо, наш соглядатай был вынужден срочно покинуть свой наблюдательный пункт.

– По-моему, у тебя есть шанс занять место фаворита, – задумчиво произнес Баренс. – Что ж, это дает нам определенные выгоды.

При этих словах все съеденное нынче взбунтовалось и начало поступательное движение к горлу. Я лихорадочно затряс руками, не имея возможности иным способом продемонстрировать свое несогласие.

– Милорд, может, мне лучше вернуться в Англию? Там меня всего лишь обезглавят, – выдавил я, когда ко мне снова вернулся дар речи.

– Успеешь, мой дорогой, пока ты нужен здесь. К тому же это всего лишь мои предположения и место в императорской постели тебе еще никто не предлагал. А сейчас помолчи. Мне нужно обдумать услышанное.

Он задумался и до возвращения в английское посольство не проронил ни слова.

Полночь висела над городом ровным серым покрывалом, и вдоль прешпекта дул ветер, сгибая деревья и пропитывая листву невской сыростью.

– Однако уже поздно, – задумчиво глядя на циферблат своих часов, отметил лорд Баренс.

Восковые свечи неслышно оплывали на бронзу канделябра, скрывая белым занавесом наготу резвящихся нимф.

– Я думаю, можно выпить по рюмочке коньяка и лечь в кровать. Надо непременно сказать Редферну, чтобы он положил туда грелки. Терпеть не могу спать в холодной и сырой постели. Кстати, тебе рекомендую тоже позаботиться об этом. – Лорд Джордж поднялся и достал из пузатого голландского буфета бутылку с прозрачной темно-янтарной жидкостью. – Прекрасный французский коньяк, – мечтательно глядя на содержимое сосуда, произнес мой дядя. – Остается только жалеть, что у нас не умеют делать таких великолепных напитков. Теперь возьмем кусочек лимона, посыпем его тертым шоколадом – это лучшая закуска к коньяку. Как говорит один мой знакомый: сие есть единственный резон, оправдывающий существование Франции. – Он разлил жидкость по рюмкам. Со стороны могло показаться, будто, неспешно повествуя мне о ритуале поглощения спиртного, Джордж Баренс присутствует в каждом произнесенном слове, но я имел возможность наблюдать его уже довольно долго и потому мог биться об заклад, что истинные мысли моего дяди все еще не вернулись из Царского Села.

– Милорд, – произнес я, дождавшись, пока его милость выпьет свой коньяк и закусит его лимоном, – надо что-то делать с Редферном.

– Что именно, друг мой?

Я даже несколько растерялся.

– Ну-у... поговорить. Узнать, что он скрывает.

– А зачем? Каждый человек что-то скрывает. У каждого в шкафу свой скелет. У одних это скелет канарейки, у других это скелет слона. Во многом это зависит и от объема шкафа, который вы себе можете позволить. Ты думаешь, он шпион? – продолжал наставительно мой дядя. – Я весьма сомневаюсь в этом. Но предположим, что ты прав. И что же? Он видел, что ты его разоблачил. Ему остается либо бежать, но сие затруднительно – дом хорошо охраняется; либо убить вас, меня, остальную прислугу, посла, его секретаря, стражу... Сие тоже не назовешь поступком большого ума. Но если он честный человек, силой обстоятельств вынужденный скрывать свое истинное лицо, – можете мне поверить, мой дорогой Вальдар, он сам придет сюда, чтобы все рассказать, ибо больше идти ему некуда. А как я понял из ваших слов, опасность, представшая пред ним, выше его сил. Хотите лучше узнать человека, испытайте его доверием. Если желаете, можем держать пари, что я прав.

В дверь негромко постучали.

– Вы позволите, ваша милость? – На пороге возник Редферн, несколько бледный, но по-прежнему старательно играющий роль вышколенного слуги. – Милорды, ваши постели согреты. Я пришел узнать, не будет ли каких указаний.

– Нет, Питер, ты свободен, – скучающим тоном ответил лорд Баренс.

Редферн стоял, переминаясь с ноги на ногу, все более и более бледнея.

– Что-то случилось, друг мой?

Камердинер набрал в грудь воздуха, немного задержал, выдохнул резко, словно выдавливая из себя последние сомнения, и заговорил отрывисто, будто выбрасывая лопатой из погребца души фразу за фразой:

– Покаяться хочу... О жизни своей поведать... Чтоб по правде... И делайте со мной, что хотите.

– Не бойся, Питер, – успокоил его мой дядя. – Здесь никто не желает тебе зла. Говори.

– Имя мое, данное при крещении, Петр Ребров. Отец мой, Ермолай Ребров, казаковал, да был убит где-то в Туретчине. Я сизмальства был в услужении у господ Разумовских, казачком. А как сестра Кириллы Григорьевича замуж вышла за Ефима Федоровича Дарагана, так я ему достался. У него уже в гайдуки выбился, очень он меня отмечал. Да вот беда, положила на меня глаз хозяйка и начала обхаживать и так и этак. Ефиму Федоровичу, понятное дело, о том донесли. Он осерчал люто, да и велел записать в рекруты. Выпала мне доля служить в этих местах на бриге «Ганимед». Сначала был матросом, потом командир корабля капитан-лейтенант фон Ротт узнал, что я справный слуга, и записал к себе вестовым. Полгода жил я, горя не знал, но вот однажды зашли мы в город Гамбург, чтобы снасти поправить – нас перед тем как раз изрядно штормом потрепало. Сошел я на берег, побродил, посмотрел. Решил выпить. Нашел около порта какой-то кабак и только собрался пропустить кружку-другую пива, глядь, а в уголке наш капитан с каким-то незнакомым господином шепчется. Я прислушался: говорили они по-французски, а я-то французский язык с малолетства знаю... Так вот, этот господин все расспрашивал нашего командира про какие-то новые морские орудия да рассматривал бумаги, которые перед ним капитан положил. Потом он дал ему кошелек с золотыми монетами. Фон Ротт открыл было его, начал считать, да тут меня заприметил. Ка-ак подскочит, словно ужаленный! Я через столы, через лавки – к двери, фон Ротт за мной. И дружок его вместе с ним. Тот господин-то попроворней был, совсем почти догнал, зажал у какого-то забора в тупике. Хотел в меня из пистоля пальнуть, да, видать, кремень у него сбился, отвел Господь беду... Я тут камень с земли подхватил, по темечку господину хорошему приложил – и ну через забор, только меня и видели. На корабль, понятное дело, сунуться поопасался. На следующий день по всему Гамбургу объявления. Мол, я вор-душегуб, похитил корабельную казну, к тому же убил немецкого дворянина, коей вместе с капитаном тщился меня поймать. Насилу утек из Гамбурга на французском корабле. Поступил денщиком на службу к французскому офицеру, капитану де Шатобюссону. С ним и до Канады добрался. Прожили мы там с ним три года,

да вот послали нас как-то держать форт на реке Святого Лаврентия. А форт, тьфу, так, одно название: пять хижин да частокол. Нас полсотни человек, а припасов, считай, нет. Что могли, мы добывали: охотились, рыбу ловили, а как зима настала, совсем нам каюк пришел. Решили возвращаться в Монреаль, да только никто не дошел. И тут вновь меня бог спас. Вы нашли, обогрели, вылечили. Я вам по гроб жизни обязан. – В глазах у Редферна, преданно смотревшего на лорда Баренса, стояли слезы...

– Тот адмирал сегодня в Царском Селе и был фон Ротт? – спросил я, пытаюсь избавить Петра Реброва от тяжелых объяснений.

– Он самый, – кивнул головой тот.

– Ну, вот и славно, – как ни в чем не бывало улыбнулся Баренс. – Теперь все стало ясно, а это уже хорошо. Ты среди друзей и можешь не волноваться, мы вовсе не намерены тебя выдавать. Если даже вдруг фон Ротт узнает тебя, это ерунда. Ты представитель пятого поколения Редфернов, состоящих на службе у лордов Баренсов. Ну а насчет самого твоего адмирала мы постараемся придумать что-нибудь полезное и для нас, и для Российской империи. Пока же пойди проверь, не остыли ли постели, и пора спать, друзья мои. Как говорят здесь, в России: утро вечера мудренее.

Когда утро начинается с доброго отеческого пинка, день обещает быть особенно мудреным.

– Вставайте, Вальдар, каникулы закончились. Работы непочатый край.

Я продрал глаза и, не поймав взглядом домашнего электронного циферблата, утвердился в мысли, что трудовые будни продолжаются.

– Вставай, вставай! – поторопил меня лорд Баренс. – Нечего здесь вылеживаться. Ночью спать надо.

Я был полностью согласен с дядей, с одной лишь поправкой: утро – время после сна, вечер – время перед сном. А те часы, которые лорд Джордж именовал «ночью», у меня отчего-то мало ассоциировались со сном, особенно в условиях белых ночей.

– Кофе... – жалобно простонал я.

– Еще не намолоти, – ободрил меня мой нежный родственничек. – Ничего, в городе попьешь. Так, сейчас ты берешь свой лейтенантский патент и движешься в адмиралтейство. Напиши прошение на высочайшее имя о включении тебя в списки офицеров флота ее величества. Да, и вот еще что, запомни, тебе ровно ни о чем не говорит имя Филиппа Стефенса.

– Оно мне действительно ни о чем не говорит, – признался я.

– А зря. Это секретарь первого лорда адмиралтейства, в полку которого ты имеешь честь состоять, и руководитель военно-морской разведки Англии. Можешь не сомневаться, если Екатерина поручила Безбородко узнать о тебе побольше, то вопрос о причастности твоей к людям Стефенса непременно встанет.

– Понятно. Стефенс – секретарь первого лорда адмиралтейства, но я, увы, не могу вспомнить его даже в лицо. А уж то, что он шеф морской разведки, для меня и подавно новость, – согласно пробурчал я.

– Вот так-то лучше. Дальше, когда ты освободишься в адмиралтействе, ты спустишься по Невской перспективе до Садовой улицы. Увидишь, там строится здание Гостиного Двора, повернешь направо, дойдешь до дома статского советника Стесселя. У него снимает этаж отставной драгунский полковник Нетишицкий. Зайдешь к нему, передашь пакет. Это письмо великого магистра масонских лож Англии герцога Бьюкема, упрекающего наших масонов за чересчур самостоятельную линию и отказ от повиновения первоначальным конструкторам ложи. Быть может, это хоть косвенно поможет им уйти из-под удара. На словах передай все то, что ты слышал вчера о масонах в кабинете Екатерины.

– Из кабинета, – поправил я.

– Какая разница, – досадливо поморщился лорд Баренс. – Главное, чтобы никто из ложи, которую представляет Нетишицкий, не участвовал в учредительном собрании, что созывают фон Рейхель, Елагин и, возможно, Калиостро.

– Понял.

– И еще одно, постарайся не забыть. Как я уже говорил, за тобой, вероятно, будут следить. Когда ты выйдешь из адмиралтейства, обязательно купи «Санкт-Петербургские ведомости». Они продаются как на русском, так и на французском. Там есть объявление, что отставной полковник Нетишицкий, квартирующий в доме статского советника Стесселя, предлагает господам офицерам прекрасных верховых и выючных коней различных пород. Он известный конезаводчик, так что официальная версия твоего посещения: покупка пары лошадей. Когда все это исполнишь, возвращайся сюда, все уже будет готово к переезду. Надеюсь, ты помнишь, что на ближайшее время твой основной пост у ног прекрасной дамы?

– Дядя! – Я скривился и стал выглядеть еще более кисло, чем выглядел до того.

– Ладно, я умолкаю, но ты поспеши. Да приведи себя в порядок, вид у тебя преужасный.

Я поспешил. Я привел себя в порядок и побывал в адмиралтействе: написав, сдав, выслушав и вновь что-то написав. И все это время в моем мозгу крутилось: «На тридцатом году жизни, после тяжелого непродолжительного сна, не приходя в сознание, приступил к работе...»

– Покупайте газету «Санкт-Петербургские ведомости»! Выстрел в Царском Селе! Английский офицер спасает императрицу! – услышал я буквально у своего уха вопли бойкого мальчишки, размахивающего свежей газетой. «Господи, воистину газета – это черновой набросок истории. Интересно, что же я там такого совершил?» Обменяв грязно-зеленый медяк на лоскут не менее грязной бумаги, я с немалой радостью для себя узнал, что некий англичанин Вальтер Камодин, прибывший в свите английского посла, своей грудью защитил матушку императрицу от выстрела злоумышленника, родом турчанина. Оный сейчас изловлен и в Петропавловской крепости допрашивается. «Турок-то откуда взялся?» – вздохнул я, переворачивая «Нувель де Санкт-Петербург» в поисках нужного объявления. Оно было на месте, как и обещал мой дядюшка.

Общение с полковником Нетишицким не было ни бурным, ни долгим. Приняв пакет и выслушав в полном молчании ценные инструкции, он проводил меня до двери и заявил громко, вероятно, чтобы было слышно на лестнице:

– Лошади ваши, сударь, завтра к полудню готовы будут. Жду вас в Манеже, сами оцените.

После этого полковник сложил вместе три пальца правой руки и резко кинул их от левого плеча вниз. Я недоуменно посмотрел на этот жест и поднял руку, сжатую в кулак «Рот Фронт». Быть может, движение мое его удовлетворило, быть может, он счел меня посвященным другой системы, но, во всяком случае, без дальнейших пятикратных подпрыгиваний и похлопываний себя ладонями по ушам он выпустил меня из дому и запер дверь.

Признаться честно, на этом мой завод кончился. Я понял, что если в ближайшие десять минут не выпью чашечку кофе, никакая пинковая тяга не сдвинет меня с места. А потому, решив, что ближайшие десять минут вряд ли способны что-то изменить в ходе истории, я отправился вверх по Невскому, туда, где красовалась недвусмысленная вывеска: «Кофейный дом „Четыре фрегата“».

Держа в руках дымящуюся чашечку ароматного кофе, ощущая ее тепло, я чувствовал, как жизнь вновь возвращается ко мне. Зажмурив глаза от удовольствия, я медленно, глоток за глотком, впускал в себя живительную силу арабского кофе, одобренного кардамоном. И весь мир со всеми его дворцовыми дрязгами и масонскими заговорами отступил куда-то в непроглядную даль, почти что сгинул.

Внезапный шум прервал мою медитацию. Шум полуразбойный, полусветский, будто банда французских головорезов захватила это уютное местечко.

– Отчего же это соискатель младшего офицерского чина не приветствует генерал-фельд-пехмейстера российской армии?

Давешний шеф корпуса кавалергардов высился надо мной, гордо уперев руки в боки и полупрезрительно мерил меня взглядом.

– Расскажите-ка нам, господин Камодин, от каких таких турок вы спасали нашу императрицу?

– Турки? – переспросил я. – Полная ерунда. Что же касемо приветствия, я все еще не состою в российской службе, а потому оставляю за собой право здороваться с людьми, мне лично известными. А впрочем, здравствуйте, если хотите.

– Что, вы меня не знаете?! – прогремел генерал, явно пропуская мимо ушей мои последние слова. – Я граф Орлов.

– Должно быть, очень лестный титул, – пожал плечами я. – Но я не отношусь ни к орлам, ни к страусам, ни к перепелкам, ни к какой другой пернатой живности. А потому прошу простить, мне недосуг с вами разговаривать.

– Что?! Вы меня вызываете?! – Кулаки фаворита грохнули об стол, заставляя блюдечко взмыть вверх.

– Отнюдь. – Я отхлебнул из недопитой чашки. – Вы же видите, мне не до того.

– Тогда я вас вызываю! – взревел Орлов.

– А это уж как вам будет угодно. Желаете прямо здесь и сейчас или же я могу допить свой кофе?

Думаю, мое хамское спокойствие вконец обескуражило любимца Екатерины.

– Вам выбирать, – рыкнул он, но уже на два тона ниже.

– Думаю, это дело секундантов. Впрочем, вот с секундантом у меня как раз... – Я не успел договорить.

– Если вам, сударь, будет угодно, я бы почел за честь для себя выступить вашим секундантом.

Человек, произнесший эти слова, был одет в гусарский мундир, и усы стрелками на тонком лице придавали ему вид дерзкой удали, особенно среди прочих присутствующих лиц, выбритых до синевы.

– Принимаю ваше предложение с благодарностью. – Я встал, склоняя голову. – Лейтенант Вальдар Камдил, лорд Камварон.

– Лейб-гвардии гусарского государыни императрицы эскадрона поручик Никита Ислентьев.

– Ну что ж, граф, вопрос с секундантом разрешился сам собой. Для вас же, я думаю, это будут сущие пустяки. Осталось решить вопрос с оружием. Признаться, я не особо люблю нынешние шпаги. Это какие-то недопалаши, фехтование на них не доставляет никакого удовольствия. Кроме того, даже если я изукрашу шрамами ваше лицо, ваше сиятельство, вы все равно не станете похожи на Григория Потемкина. – Орлов вскинулся было, видимо, готовый идти в рукопашную, но остановился, лишь заскрежетав зубами. – Надеюсь, итальянские рапиры вас устроят?

– Вполне, – не разжимая зубов, процедил он.

– Что ж, тогда ваши люди легко могут найти меня в доме герцогини Кингстон у Измайловского моста.

Глава седьмая

*Но лица многие перед моим лицом
К моей руке имели уважение.
Ведь то, что для нее всего лишь продолжение,
Для них уже является концом.*

Сирано де Бержерак

«Скажи-ка, дядя, – примерно так начинался мой страстный монолог, повествующий прямому начальству о невскопроспектном кофепитии. – Ведь недаром...»

Недаром, так уж недаром! Молчание лорда Баренса казалось затишьем перед бурей, и я мог лишь смутно догадываться, к каким черепно-мозговым травмам может привести буря на канале закрытой связи.

– Господи, и зачем тебе это было нужно? – с интонацией шекспировского трагика произнес лорд Джордж. – Мой дорогой, постарайся понять – ты не должен следовать за событиями, ты должен их формировать. Причем именно так, как это выгодно для решения нашей общей задачи. Я понимаю все резоны Орлова – он считается первым дуэлистом в городе и никому этой славы отдавать не намерен.

– Да я в общем-то и не настаиваю.

– На твоём счету, как минимум, две эффектные выходки: убийство на дуэли герцога Гамильтона и пленение Джона Пол Джонса...

– Я никому не рассказывал, – пробовал было втиснуться я в речь посланника.

– Редферн рассказывал в Царском Селе, в людской. Наверняка Орлову уже известно о «Фениксе». Причем дух повествования, полагаю, тот же, что и в сегодняшней заметке о тебе в «Ведомостях». Ты уже читал?

– Довелось, – вздохнул я. – Думаю, рассказ о том, как я ударом левой пятки потопил линейный корабль пиратов, произвел на Орлова грандиозное впечатление.

– Это уж не извольте сомневаться. Ладно, давай посмотрим, удастся ли извлечь из этого приключения какую-либо пользу. Вариант твоей гибели, думаю, рассматривать не стоит.

– И на том спасибо.

– Не за что. Твое ранение нам тоже мало что дает. Так, теперь предположим ранение Орлова. Здесь возможны варианты развития игры. Если Екатерина действительно охладела к своему фавориту, то для нее это удачный способ отделаться от него без лишнего шума.

– Или же наоборот – вспылать любовью.

– Тоже возможный расклад. В таком случае я тебе не завидую. Никакая защита от турецкого нашествия здесь уже не поможет. Надеюсь, мне удастся вытащить тебя из казематов Петропавловской крепости, но как агент ты будешь не просто паленый, а печенный в углях. Кстати, если ты убьешь Орлова, этот же вариант для тебя более чем вероятен. Так что постарайся ограничиться ранением, и по возможности не слишком тяжелым, чтобы не вызвать у императрицы приступ жалости, с одной стороны, и на какое-то время вывести графа из игры – с другой. Быть может, это и сработает.

– И что?

– В таком случае между тобой и императрицей может возникнуть незримая связующая нить. Ты можешь стать, как бы это лучше выразиться, офицером для особо щекотливых поручений. Ты прямо создан для этой роли: немногословный, не слишком умный, без собственных интересов, к тому же отважный и мастерски управляющийся с оружием. Как любят выражаться романисты – верная рука, верная шпага королевы. Хотя свою верность государыне тебе еще предстоит доказать.

Колкость лорда Баренса по поводу моих умственных способностей была не слишком корректна, но, думаю, утверждение о том, что я назубок знаю всю таблицу умножения и читал Пушкина в подлиннике, не смогло бы поколебать его предвзятого отношения. Но, как ни считай, выбор был невелик: либо Екатерине понравится результат сегодняшней дуэли и победитель получит приз за отличное фехтование, либо участь моя будет горька, как салат из алоэ. Согреваемый подобными размышлениями, я добрался наконец до особняка герцогини Кингстон, где обещал находиться вплоть до прихода секундантов.

Леди Кингстон приняла меня радостно, но, как мне показалось, это была радость ребенка, надолго оставленного одного дома и дождавшегося наконец прихода взрослых. Герцогиня была любезна и грациозна, она была восхитительна, но все же в фигуре ее чувствовалась напряженность. Так молодая актриса, зная назубок игруемую роль, боится сбиться и выйти из образа.

– Я решила сегодня вечером устроить бал в честь своего приезда в Россию. Иллюминация, фейерверк, танцы до упаду! Все молодое и веселое в Петербурге должно быть на моем балу. Вы любите балы, Вальдар? – возбужденно пропела она, кружась, будто в танце, по залитой солнцем парадной зале.

– Нет, – признался я, качая головой. – Слишком ярко, слишком шумно, слишком много людей.

– Ну да, я все время забываю, что вы росли в провинции, – останавливаясь, мило улынулась леди Кингстон. – Но полноте, мой дорогой, все это в прошлом. Ныне вы находитесь при одном из самых блистательных дворов Европы. Пожалуй, я должна стать вашей учительницей: привить вам хорошие манеры, придать вам должный лоск. Поверьте, вы можете стать самым блестящим кавалером. – С деланной суровостью она погрозила мне пальчиком. – Запомните, милорд, сегодня вечером у вас первый урок. И не смейте отказываться. Я не приму вашего отказа.

Мысль моя моментально унеслась лет на пятнадцать назад в стены Итона. Когда-то меня уже учили хорошим манерам. Склонившись и сделав шляпой росчерк изысканный, как каллиграфический иероглиф мастера дзен, я заворковал по-французски с притворным вдохновением и придыханием:

– Сударыня, благодарность столь переполняет мою душу, что слова просто не в силах выразить глубину и нежность чувств, которые ваша речь разбудила во мне. Я недостойн ваших трудов, ибо лишь пение ангелов, коим сопровождается всякий ваш шаг, может быть той наградой, которая заслужена вами по праву. И если служение мое, та малая лепта, которую я могу принести вам, удостоено будет единого вашего благосклонного взгляда, то я и саму жизнь свою готов положить на алтарь служения вам как истинному свету моего бытия! – В конце этой фразы у меня закончился воздух в легких, иначе я мог продолжать нести подобную галиматью еще довольно долго. – Бетси, вы хотите слышать от меня такие речи?

– Нет, – вздохнув, покачала головой леди Чедлэй, вдруг принимая вид спокойный и серьезный. – Они вам действительно не к лицу. Но увы, при дворе свои законы.

– Вряд ли я долго задержусь при дворе. Сегодня я подал прошение в адмиралтейство с просьбой о зачислении меня во флот ее императорского величества.

– Неугомонный, вы вновь бредите морем!

Слава богу, я не бредил вообще и морем в частности, но если выбирать между придворным чириканьем и открытым морем, второе, на мой взгляд, было предпочтительнее. Постучавшись, в гостиную вошла юная служанка герцогини:

– Милорд Вальдар, к вам пришел какой-то гусарский поручик Никита. Он говорит, что выступает вашим секундантом.

– Спасибо, Вирджиния. Попроси его войти.

– Слушаюсь, сэр, – присела она в изящном книксене.

Вирджиния вновь исчезла за дверью.

– Вальдар, вы с кем-то дуэлируете? Боже, когда же вы успели? – В голосе герцогини чувствовалась неподдельная тревога.

– По дороге сюда я зашел выпить чашечку кофе. Ну вот, слово за слово...

– О боже! Всего лишь чашечку кофе! И кто же ваш противник? – все так же возбужденно бросила леди Чедлэй.

– Граф Григорий Григорьевич Орлов.

– Несчастный! Ведь это же фаворит императрицы! – в ужасе воскликнула моя наставница светских манер.

Я развел руками:

– Другие меня сегодня еще не вызывали.

– Господи, вы погубите себя, – произнесла она, переходя на полусшепот. – Но как бы то ни было, постарайтесь выйти победителем. Если же случится непоправимое, вы можете рассчитывать на мою поддержку. Я богата, я помогу вам бежать из этой страны.

– Миледи, – улыбнулся я. – Не странно ли думать о бегстве, даже не вступив в бой.

– Главное – возвращайтесь, – как-то очень тихо проговорила она.

К месту дуэли мы прибыли минут за пятнадцать до назначенного срока. Лодочник, ожидавший клиентов на берегу Невы, исподлобья взглянув на двух господ, просивших перевезти их на остров Голодай и затем вернуться за ними через час, утвердительно кивнул головой. Всю дорогу к острову он не проронил ни слова, усердно налегая на весла и шумно выдыхая при каждом гребке. Целковый, выданный мной по настоянию поручика Ислентьева, должен был, видимо, напрочь отбить память у нашего перевозчика. Я сильно в этом сомневался, но, как объяснил мне по дороге мой новый приятель, маршрут, проложенный благородными господами к этому острову, не оставлял у лодочников сомнений в целях «прогулки».

Орлов появился вскоре после нас, сопровождаемый парой спутников.

– Мой секундант, – представил он небрежно, – контр-адмирал Герман фон Ротт.

Об этом он мог и не говорить. Спутать тучную фигуру бывшего командира брига «Ганимед» с чьей-либо еще на такой дистанции было весьма проблематично. Адмирал, по-видимому, небольшой любитель пеших прогулок, отдувался и вытирал пот со лба и щек платком величиной с небольшой парус. Второй спутник Орлова был мне незнаком.

– Доктор Магире, – представил Орлов, обращаясь к Ислентьеву. – Советую вам, господа, быть с ним как можно более обходительными.

Следуя совету противника, я как можно любезнее поприветствовал ученого эскулапа.

– Хотел найти для милорда англиканского священника, да вот беда, его нынче в Петербурге не сыскалось.

– Благодарю за любезность, – поклонился я, глядя на фон Ротта. По дуэльному кодексу всякое общение между враждующими сторонами должно было вестись через секундантов. – Будьте любезны, адмирал, передайте графу, что я католик, так что его хлопоты излишни. Однако начнем, пожалуй.

– Безо всякого сомнения, – прогрохотал Орлов.

– Не угодно ли будет вам, господа, решить дело миром? – пробасил фон Ротт.

Я отрицательно покачал головой и начал расстегивать камзол.

– Никогда! – вторил мой противник, вслед за мной сбрасывая свое расшитое галуном одеяние и оставаясь в одной рубахе.

– Что ж, если вы не желаете примириться, извольте выбирать оружие. – Секундант Орлова развернул плащ, принесенный с собой, демонстрируя собравшимся две прекрасные итальянские рапиры. После этого он подошел ко мне, давая право первому выбрать оружие.

Я взял ближайшую в левую руку и пару раз взмахнул клинком в воздухе. Плечо отвило ноющей болью. Я поморщился. Заметив мою гримасу, фон Ротт остановился и, согласно дуэльному статуту, произнес:

– Насколько мне известно, недавно вы были ранены. Быть может, сударь, желаете отложить дуэль?

Я внутренне заплодировал:

– Благодарю вас, но это излишне. Я чувствую себя вполне нормально. К тому же рапира в моей правой руке не облегчит участи его сиятельства. – Согласитесь, ну как было в подобной ситуации не процитировать любимого Атоса!

Ангард! Мы сошлись, и клинки зазвенели. Воистину, выбирая для дуэли рапиру, я изрядно осложнил Орлову предстоящий бой. Тот был прирожденный шпажист. Сильный, быстрый, постоянно атакующий. В той же манере фехтовал мой добрый друг Джозеф Рассел, беспрестанно нанося противнику все новые и новые удары, заставляя его отступать, защищаться, терять контроль над боем и, в конце концов, пропускать роковой удар. Но сейчас в наших руках были рапиры, а не шпаги, – оружие тонкое и коварное, заставляющее грубую физическую силу отступать перед филигранной техникой и превращающее поединок между мастерами в схватку умов, а не мускулов.

Привыкший к более тяжелой шпаге, Орлов атаковал широко и мощно, бездумно тратя имевшиеся в явном избытке силы. Я уже неоднократно мог поразить его, поскольку, увлекшись атакой, противник начисто игнорировал защиту, спохватываясь каждый раз, когда очередное мое действие грозило прекратить наш поединок. Признаться, ранить его не составляло большого труда, но мне нужно было другое. Мне нужна была не банальная дуэль с выигравшим и проигравшим, а нечто такое, что выбивалось из ряда вон, что могло быть темой для салонных пересудов. Ибо, каковы бы ни были законы, но все, что выходит за рамки обычного, судится особо. А потому я выжидал.

Но вот рапира Орлова нацелилась мне в правую ногу, и он начал движение вперед, обозначая атаку. Сделав вид, что купился на эту нехитрую уловку, я закрылся второй защитой, по-испански вывесив руку. Конечно же, никакой клинок парировать мне не удалось, его там попросту не было. Заранее обрадованный близкой победой, Орлов перевел клинок вверх и сделал резкий выпад, желая пронзить мою ни в чем не повинную грудь. Это была оплошность. В тот же миг я повернул запястье, закрываясь терцией, и, разворачиваясь на правой ноге, подшагнул к Орлову. Внешняя сторона ладони моей левой руки скользнула под клинок Орлова у самой гарды, вслед за этим я резко повел свой клинок вниз в сторону графа. Это была одна из «домашних заготовок», тех самых тайных приемов, которыми маститые учителя фехтования награждали любимых учеников. Клинок Орлова развернулся у него в руке так, что навершие рукояти оказалось дюймах в трех от меня. Я с размаху налег на него грудью. Орлов взвыл. Острие его собственного клинка пронзило внутреннюю часть бедра, прошло ногу насквозь, выйдя чуть выше колена. В ярости граф дернулся было вперед, но затормозил, ощутив, как впивается в горло кончик моей рапиры.

– Полагаю, достаточно. – Я убрал оружие от шеи своего противника. – Доктор, делайте свое дело. Благодарю вас, господа. – При этих словах я вернул рапиру хозяину, сопровождая свое движение неизменным: – Всегда к вашим услугам.

Замерший было в оцепенении фон Ротт при этих словах пришел в чувство и, отбросив рапиру, подскочил к раненому графу. Я пожал плечами и кивнул своему секунданту:

– Пойдем, пожалуй. Нас здесь больше ничто не задерживает.

К берегу мы возвращались молча. «Фон Ротт, оказывается, близкий приятель Орлова, – думал я. – Занятный альянс. Надо бы побольше узнать об этом адмирале. Вряд ли подобные люди могли сблизиться по сходству характеров. Здесь что-то другое. Скорее всего некое общее дело».

В особняк герцогини я вернулся как раз к обеду. Это было очень удачно, поскольку, как я успел отметить, хорошее фехтование весьма способствует развитию аппетита. Невзирая на все мои попытки залучить в гости поручика Ислентьева, на сей раз мне пришлось обойтись без сотрапезника. Сославшись на срочные дела, он поспешил откланяться, оставив меня в ожидании последствий сегодняшнего поединка. Я не успел дойти до десерта, как последствия уже стучались в ворота особняка леди Бетси.

– Вы можете уйти через сад, – тихо сказала леди Бетси, глядя в окно столовой на присланный за мной наряд, маячивший у дома.

– Конечно, могу, – заверил ее я, соображая, успею ли съесть пирожное до ареста. – Вот только зачем?

– Безумный, вас бросят в тюрьму, вам отрубят голову!

– Вот это вряд ли. Со времен Петра Великого подобные развлечения здесь не в моде. А насчет тюрьмы дело темное. Одно можно сказать наверняка: попытка бегства будет играть не в мою пользу.

– Так вы подчинитесь? – с ужасом в голосе прошептала герцогиня, и мне почему-то показалось, что ужаса в ее тоне значительно больше, чем должно быть при аресте доброго знакомого.

– Порою для того, чтобы победить, нужно убедить противника в том, что побеждает он. А кроме того, поверьте мне, милая Бетси, уйти из здешней тюрьмы чуть тяжелее, чем со званаго обеда у императрицы. Вы ведь устраиваете сегодня бал, насколько я помню? – улыбаясь, произнес я, стараясь своей спокойной интонацией вернуть покой в мятушуюся душу этой, как считал мой дядя, прирожденной интриганки.

– Да, но...

– Оставьте «но». Я надеюсь присутствовать на вашем балу.

Произнеся это, я активизировал мыслесвязь и начал спускаться вниз по лестнице, туда, где ждал меня прапорщик с четверкой солдат.

– *Мой дорогой дядя, надеюсь, я не отвлекаю вас от срочных дел?*

– *Вальдар, мальчик мой, рад тебя слышать. Извини, заработался. Который там час? О, почти три. Ну ничего. Рассказывай, как там твоя дуэль?*

– *Да в общем, вполне пристойно,* – обнадежил я высокочтимого родственника. – *У меня ни одной царапины, Орлов ранил себя в ногу.*

– *Ранил себя в ногу?..*

– *Да. Ближайшее время он вряд ли сможет бегать, и уж что совсем точно, будет абсолютно бесполезен Екатерине в постели.*

– *Он что, себе...* – недоумевающе начал лорд Баренс.

– *Нет-нет, с этим все в порядке,* – вновь успокоил я дядю. – *А с процессом лежания у него будут трудности.*

– *Вот так история! Ладно, посмотрим, что будет дальше.*

– *Немного дальше уже есть,* – заверил я, выходя к своему конвою.

– *Ладно, не волнуйся. Если что, я тебя вытащу,* – встревоженно зарокотал лорд Джордж, глядя моими глазами на делегацию встречающих.

– Вы лейтенант Вальдар Камдил? – отчеканил прапорщик, стараясь казаться грозным.

– К вашим услугам.

– У меня есть предписание военного коменданта города разоружить вас и доставить на гарнизонную гауптвахту вплоть до дальнейших распоряжений. Вашу шпагу, сударь!

– Пожалуйста, – с деланным безразличием кинул я, с явным недоумением разглядывая лица сопровождающих лиц. – Господа, вы намерены идти до гауптвахты пешком? Если вы не

против, я распоряжусь, чтобы нам подали экипаж. К тому же, – обратился я к прапорщику, – вы можете отпустить солдат в казарму. Я даю вам слово дворянина, что никуда не убегу.

Французский прапорщик был плоховат, но, похоже, он понял суть моей пламенной речи. Во всяком случае, на гауптвахту в экипаже мы поехали вдвоем.

– *Кстати, дядя, – начал я, когда повозку в очередной раз трянуло на ухабе. – У меня для вас небольшая новость.*

– *Ну-ка, ну-ка!*

– *Фон Ротт, оказывается, большой приятель графа Григория Орлова. Во всяком случае, секундантом его сегодня был именно он.*

– *Вот как! Весьма занятно. – В тоне моего дядюшки чувствовался неподдельный интерес. – Я уже начал наводить по нему справки. На сегодняшний день контр-адмирал Герман фон Ротт занимает должность главноначальствующего всей береговой артиллерией Финского залива. То есть по статусу своему он один из ближайших подчиненных нашего генерала-фельдцейхмейстера. Но если он не просто подчиненный, а еще и друг, то это... Да, очень может быть. Представим себе на минутку, Алексей Орлов возвращается в Санкт-Петербург во главе своей эскадры, имея при этом на борту самозванку, о которой упоминала Екатерина. Помнишь, ту, которую Орлов вроде бы обещался посадить на престол.*

– *Помню, конечно.*

– *Отлично. Государыня скорее всего ждет прихода эскадры Алексея в Зимнем дворце. Повод достойный, чтобы выехать из Царского Села в столицу. И вот тут-то ловушка захлопывается! С Невы на Зимний дворец глядят пушки эскадры, а со стороны города нажимает тысяча гвардейских солдат, которая, по словам Безбородко, финансируется из кармана Григория Орлова. Не является же в самом деле Григорий Григорьевич создателем благотворительного фонда в помощь неимущим гвардейцам!*

– *А фон Ротт?*

– *А фон Ротт отвечает за береговые батареи и Петропавловскую крепость. Сырой порох, пьяные канониры, некондиционные ядра, черт его знает, что там должно было быть. Сейчас это уже не важно. План не сработал.*

– *Ты полагаешь, что здесь был заговор?*

– *Я полагаю, здесь есть заговор. Отчего не сработал первый вариант, необходимо узнать. Это может многое объяснить. Но наверняка заговорщики предусматривали и другие сценарии. А это уже совсем интересно. Теперь учти следующее. Ты своей ловкой рапирой скорее всего внес в планы этих господ изрядную коррективу. Такой поворот событий у них вряд ли был предусмотрен. Если фон Ротт действительно таков, как мы о нем думаем, то, вероятно, сейчас он должен начать дергаться, стараясь залатать прореху в паутине. А когда противник суетится, ему нужно только помочь споткнуться, чтобы он расшиб себе лоб. Это славно. Заговор – это как раз то, что нам нужно. Если перевести интерес императрицы в нужное русло, думаю, ей некоторое время будет не до масонов. Выйдешь с гауптвахты, займешься подготовкой разоблачения фон Ротта.*

– *А герцогиня Кингстон? – спросил я с тайной надеждой. Мне очень не хотелось шпионить за этой милой женщиной.*

– *А что герцогиня Кингстон? – непонимающе остановился лорд Баренс. – Она на тебе.*

Санкт-петербургская гауптвахта была не самым уютным местом северной столицы. В сравнении с гауптвахтой форта Норич, куда я как-то загремел за драку с патрулем, это были просто нечеловеческие условия. Но все же мой офицерский чин и благородное происхождение давали право на кое-какие льготы. Пол камеры был вымыт, нары заменены койкой с вполне пристойным тюфяком, а уж то, что в камере не было кондиционера и до ветру пришлось

тащиться под конвоем ярдов за сто, так и в императорском дворце подобные удобства были немногим лучше. Пока же от нечего делать я завалился на тюфяк и задремал в ожидании дальнейших действий «царских сатрапов».

То, что пошла связь, я понял, когда картинка во сне вдруг перестала соответствовать произносимому тексту. Я резко сел, стряхивая остатки дремы.

– ...Генерал-поручик Бибилов, ваше величество, на мой взгляд, вполне мог бы заменить Суворова в Польше, – слышался приглушенный голос Безбородко.

– Бибилов? Чем же он так хорош? Коли я не ошибаюсь, это тот самый генерал, который командовал при Ларге одним из каре Румянцева?

– Истинная правда, ваше величество. Андрей Аполлинариевич генерал знающий и основательный. Коли идти надо, ему, пожалуй, за Суворовым не поспеть, но ежели стоять крепко, тут лучше его и не сыщешь.

– Ну что ж, хорошо, пусть будет Бибилов. Подготовь к вечеру рескрипт. По Емельке что?

– По повелению вашего величества я скудостью ума своего обмыслил...

– Ладно, душа моя, не томи, говори толком!

– Коли вы, ваше величество, хотите Пугачева с войском за море спровадить, то посылать против него Суворова смысла нет. Генерал «Вперед!» от него и духу не оставит.

– Так что же, его в Польше держать?

– Ан нет, ваше величество! Для ляхов – честь велика, для нас – толку чуть. Пусть отправляется на Яик.

– Да ты ж сам только-только говорил, что нельзя ему идти против Пугачева!

– И впредь говорить буду. Пусть Александр Васильевич отправляется на Яик, да только малой скоростью. И чтоб с фокусами своими и причудами, дабы слава его впереди за сто верст бежала. Пусть супостат, еще и не встретившись с Суворовым, уже потери от него имеет. Оно среди бунтовщиков завсегда так: народу много, да смельчаков мало. А своя рубашка до тела ближе. Вы же тем временем повелите из гусарских и верных вам казачьих полков охотничьи команды сформировать. Коли враг ушел в степи и боя не ищет, так и мы их искать не будем. Сейчас главное из степей Пугачева не выпустить. Пусть охотничьи команды крутятся близ разбойников, что оводы вокруг мерина, да жсаят побольнее: лошадей уводят, колодцы засыпают, посты да разъезды бьют. Без воды, без коней да без глаз ему в степи несладко придется. А тут еще, не ровен час, Суворов объявится. Вот здесь-то мы ему лазейку и покажем. Оно ж не зазря говорят, ваше величество, что загнанная в угол крыса бросается на кота. Пусть себе выходит, да только туда, куда мы пожелаем.

– Что ж, толково. А далее-то что?

– А далее след послать к Емельке верного человека, дабы он договорился о тайной встрече.

– С кем же, душа моя?

– Человек должен быть солидный, известный, доверием вашим облаченный да с широкими полномочиями.

– Не себя ли, голубь, имеешь в виду?

– Да что вы, матушка-императрица, я в переговорных каверзах не изошрен. Вот ежели бы графа Панина, к примеру?

– Ох, не любишь ты его, хохол. Знаю, что не любишь!

– Да что вы, ваше величество, токмо о пользе отечества забочусь.

– Экий заботник выискался. Ладно, обдумаю я, кому с Емелькой говорить. План же хорош. Хитер ты, бестия!

– Токмо...

– Полно, оставь свои «токмо»! Токуешь тут, как глухарь. Поведай лучше, что там за конфузия у графа Григория Орлова нынче вышла?

– С тем шел, ваше величество. Стало быть, вот как дело было: тот самый английский лейтенант, о коем вы велели справки навести, сегодня поутру, сдав патент свой офицерский в адмиралтейство, зашел в кофейню «Четыре фрегата» кофе выпить. Тут как раз случился и граф Григорий, пребывающий в буйстве. Он начал кричать на англичанина, почему, мол, тот его не приветствует, однако лейтенант вел себя спокойно и рассудочно и драки вовсе не искал. Тогда граф Орлов вызвал Камдила на поединок, коий сегодня в час пополудни и состоялся на острове Голодай.

– И чем же дело закончилось? Я слышала, граф Григорий в ногу ранен?

– Верно, ваше величество. Да вот закавыка. – Безбородко явно замешкался, подыскивая слова. – Граф, того... сам себя в ногу ранил.

– И такое может быть? – В голосе Екатерины слышался неподдельный интерес.

– Может, ваше величество. Коли оружием владеть так, как сей лейтенант владеет.

– Да точны ли эти сведения?

– Вне всякого сомнения, государыня. Их офицер принес, за Камдилом наблюдать представленный. Состоящий при тайной канцелярии лейб-гвардии гусарского эскадрона вашего поручик Никита Ислентьев.

Я выругался. Крепко и забористо. Так что мне могли позавидовать самые просоленные боцманы в ближайшей портовой таверне. Нет, ну каков стервец! А впрочем, чего же, собственно говоря, было ожидать? Неужто, попробуй племянник русского посланника поступить на английскую службу, его не снабдили бы хвостом. И все же Никита, Никита...

– Где сейчас лейтенант сей пребывает? – Голос Екатерины был суров и тверд, так что я начал подумывать о вариантах экстренного прощания с этими гостеприимными стенами.

– На гарнизонной гауптвахте, ваше величество. Ожидает вашего приговора.

– Вот что, хохол. Поединок, хоть и преступление, не может быть судим обыкновенными уголовными законами. А потому велю немедленно отпустить храбреца! Завтра же пусть прибудет в Царское Село к двум часам. Желая его видеть и разговаривать. А графу Григорьевичу передайте, что мы в большом волнении из-за его раны пребываем. Скажите ему также, что для скорейшего излечения его сиятельству нужен чистый сельский воздух, а потому пусть едет в имение свое и пред мои очи без вызова не является.

– Слушаюсь, государыня.

– А по пути отъищи моего флаг-капитана Верейского да укажи ему: пусть яхту к походу готовит. В Петергоф пойдем. Парад делать будем в честь пятилетия Чесменской победы.

Глава восьмая

*Штирлиц знал наверняка. Но На-верняк об этом не подозревал.
Из записок партагеноссе*

Я устроился на своем тюфяке поудобнее, ожидая, когда дежурный офицер отворит дверь моей камеры с сакраментальной фразой: «Милорд, вас ждут из подземелья». Отсутствие телефона стоило мне еще часов трех тюремного заключения, но не биться же головой о ворота моей темницы с криком: «Я знаю, императрица повелела меня отпустить!» Томясь в ожидании, я выдернул соломинку из тюфяка и, найдя место попыльнее, начал играть сам с собой в крестики-нолики. В этот день мне явно везло, победа каждый раз оставалась за мной.

– *Ау, племянничек! Ты там еще не заскучал?* – раздался на канале мыслесвязи бодрый голос лорда Баренса.

– *Не то слово,* – признался я. – *Тоска зеленая!*

Дядя хмыкнул:

– *Ну ничего. То, что ты сейчас увидишь, думаю, тебя повеселит.*

– *Что такое, вы едете в цирк?*

– *Скорее цирк едет ко мне. Весь вечер на манеже герцогиня Кингстон собственной персоной.*

– *Милорд, откуда такая нелюбовь? В конце концов, леди Чедлэй не сделала вам ничего дурного. А сейчас она пытается помочь вашему племяннику. Тем более герцогиня же не знает, что у нас прямая связь, и полагает, что вы не знаете об аресте.*

– *Мой мальчик, вот уж воистину, посмотрите на герцогиню моими глазами и, как выражаются на Востоке, слушайте и не говорите, что вы не слышали.*

В этот миг возникший перед глазами лорда Баренса Редферн доложил голосом, полным достоинства:

– *Милорд, к вам леди Элизабет Чедлэй, герцогиня Кингстонская.*

– *Проси войти ее светлость.*

Элизабет Чедлэй вплыла в кабинет лорда Баренса с той гордостью, с которой входит в торговый порт красавец крейсер.

– *Миледи,* – на мой взгляд, несколько излишне чопорно поклонился дядюшка.

– *Милорд.* – Бетси слегка склонила головку, приветствуя соотечественника. Хотя назвать ее в эту секунду «Бетси» язык как-то не поворачивался. Это была герцогиня Кингстон, графиня Бристольская и уж не знаю, кто еще, но никак не моя милая Бетси с ее ночными кошмарами и слегка печальной улыбкой.

– *Я знаю, милорд, что меня не рады видеть в особняке посольства, но причина, по которой я была вынуждена пренебречь этим, весьма важна. И в первую очередь для вас.*

– *Слушаю вас внимательно, ваша светлость.*

– *У меня для вас плохие новости, милорд. Ваш племянник сегодня дрался на дуэли с графом Григорием Орловым. Граф ранен, а лорд Камварон заключен под стражу.*

– *Да, мне уже известно об этом печальном событии.*

– *И что вы намерены предпринять?* – В тоне герцогини льда наличествовало больше, чем в антарктических морях.

– *Я уже предпринял ряд шагов,* – не замечая холодности в ее словах, ответил мой дядюшка.

– *Не выходя из своего кабинета?*

– *Сударыня, мне лучше знать, как и что я должен делать.*

– Милорд, арестован английский лорд, человек, подсудный только равным себе, дворянин древнего знатного рода. Более того, арестован ваш родственник. Ему грозит тюрьма, а возможно, и смерть. Вы же толкуете о каких-то шагах! На дуэли ранен фаворит императрицы. Вы понимаете, что это означает?

– Несомненно.

– И сидите здесь?!

– Миледи, я польщен, что вас так заботит судьба моего племянника. Однако...

– Однако мне вспоминается бал герцога Уэстморлендского восемь лет назад и ваши пылкие признания. Мне бы не хотелось думать, что сегодняшняя бездеятельность продиктована мелочной ревностью.

– Вы забываетесь, герцогиня! Я делаю свое дело так, как нахожу нужным. И не вам указывать мне, что и как надлежит делать. Вы ожидали, что я поведу солдат, охраняющих посольство, на штурм гарнизонной гауптвахты? Или же поеду в Царское Село падать в ноги императрице Екатерине?

– Лично я намерена сейчас же ехать к ней и просить за сэра Вальдара. Необходимо добиться хотя бы замены заключения на гауптвахте содержанием под домашним арестом. И если вы не желаете помочь мне в этом, я буду действовать сама.

– Воля ваша, герцогиня. Однако хочу вас успокоить, предпринятые мною шаги уже дали результаты. Еще до ночи Вальдар будет на свободе. Так что всецело можете заниматься вашим нынешним балом.

– Надеюсь, что это правда, милорд. Но если к вечеру лорд Камварон не появится в моем доме, я оставляю за собой полное право действовать так, как сочту нужным. А теперь прощайте. – Она гордо повернулась и направилась к выходу. – Видимо, заботы о благе государства не дадут вам возможности присутствовать на сегодняшнем балу. Очень расстроена. Не смею вас больше задерживать, – добавила она, обернувшись у самой двери.

– Благодарю вас, миледи. Вы очень любезны.

Герцогиня Кингстон вышла так же быстро, как и вошла, и прощальный шорох ее платья был схож с шорохом ветра в свежих буреломах.

– Ну вот и поговорили, – вздохнул лорд Баренс.

– Дядя, а вы действительно ухаживали за Бетси восемь лет назад?

– Я светский человек и вел себя, как подобает придворному кавалеру, – отпарировал лорд Джордж.

– Значит, было дело, – усмехнулся я. – И потому вы ее так не любите? Она сказала вам «нет»?

– Она сказала мне много слов, но суть не в этом. Из всех людей на Земле она любит только себя. И ее действия подчинены этому всепоглощающему чувству. Можешь мне поверить, с тех пор как мы познакомились лет девять тому назад, она изменилась только внешне. То, что она решила поиграть с тобой в высокие чувства, нас вполне устраивает. Но не путай галантные игры с настоящей любовью. Чувства в ней не больше, чем в скелете динозавра. И не вздумай сам влюбляться! Беды не оберешься. Ладно, купидонами займешься по выходе из-за решетки, пока же вернемся к делам менее прелестным, но более актуальным. На повестке дня адмирал фон Ротт.

– Появилась новая информация?

– Пока нет. Хотя верный человек следует за ним по пятам. Сейчас адмирала нет в городе, он уехал в Петергоф. Вроде бы должен вечером вернуться.

– Петергоф? – переспросил я.

– Да, а что, тебе это кажется странным?

– Нет. На днях там будет военно-морской парад, значит, и салют с берега тоже ожидается. Фон Ротт выполняет свои обязанности, только и всего. Если, конечно...

– Именно что «если»! Я полагаю абсолютно достоверным, что заговор Орловых существует. Первый сценарий с треском провалился. Ты думаешь, в честь этого Орловы дадут приказ распустить организацию и пойдут на поклон к императрице?

– Очень сомневаюсь. Хотя и не совсем понимаю, чего они еще добиваются.

– Власти, но власти гарантированной. Без оглядки на того, кто эту власть может дать, а может и отнять. Последняя ступенька перед троном – место очень опасное: с одной стороны, высоко падать, а с другой – всегда хочется усестись повыше. Григорий Орлов уже хотел женить на себе Екатерину, но она обвела его вокруг пальца. Орловы попытались было сменить императрицу, она снова поломала им все планы. Какие есть еще варианты?

– Уничтожить Екатерину и посадить Павла?

– Вполне может быть. В этом веке в России это самый популярный способ престолонаследия.

– Но Павел вроде бы не слишком расположен к Орловым, – попытался возразить я.

– Думаю, на этот счет у них есть свои соображения, и нам о них пока ничего не известно. Но мне кажется, что ожидающееся появление Калиостро в этот момент в Петербурге весьма показательно. Быть может, конечно, совпадение, а если нет? Если между Орловыми и великим магистром есть связь? Скажем, по тем же масонским каналам. Павел в отличие от своей матери человек, весьма поддающийся влиянию, а уж мистическому влиянию и подавно. Ну а кто умеет напускать туман и внушать необходимые идеи лучше, чем Калиостро? Такая связь может существовать, но вот существует ли она – нам неизвестно. А потому вернемся к заговору. Из руководства его мы знаем только троих: Орловых и фон Ротта. Но скорее всего есть и другие. Орловы сейчас удалены из столицы.

– Я думаю, граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский прибудет в Петергоф на празднество.

Лорд Баренс помолчал.

– Видимо, ты прав. Тогда все сходится. Во время парада флот проходит мимо императорской яхты, которая стоит на якорях. Для береговой батареи разнести в щепы подобную мишень – плевое дело.

– Значит, фон Ротт...

– Скорее всего да. Готовит праздничный «салют». Интересно, как они планируют действовать дальше? – Он на какое-то время замолчал, очевидно, обдумывая возможные сценарии, и наконец произнес: – Вот что, друг мой, бомбардировка яхты – дело вполне возможное. Нам от такого поворота событий никакой выгоды нет. А потому, полагаю, надо начинать действовать.

– Каким образом? – спросил я недоуменно.

– Вывести из обращения фон Ротта. Это – твоя работа.

– Да, но...

– «Но» оставишь в камере, когда будешь выходить. Лучше всего, если фон Ротт напишет чистосердечное признание и сдаст всех, кого знает. Каким образом ты этого добьешься, меня не интересует. Одно могу порекомендовать: если кто тебе в этом деле и в силах помочь, то это ваши, сударь, сегодняшний знакомец из тайной канцелярии.

* * *

Когда я покинул застенки, уже начинало темнеть. Хотя, если учесть манеру солнца в этих краях светить круглосуточно, вернее было бы сказать, перестало светать. Взяв извозчика, я отправился на Обводной канал в казармы лейб-гвардии гусарского эскадрона. У ворот мне пришлось изобразить плохой русский язык, поскольку, судя по всему, никакая иная речь дневальному была недоступна.

– Ай момент, мусью! – выпалил он, исчезая за дверью караульного помещения.

Поручик Ислентьев не заставил себя долго ждать.

– Вы на свободе, сударь? – с радостным недоумением воскликнул он.

Я кивнул:

– Если вы не заняты, то, может быть, пойдем прогуляемся по берегу. У меня к вам есть разговор.

– Да? – Лицо поручика приняло серьезный вид и слегка побледнело.

– Откуда вы знаете, мой дорогой друг, что я вообще был в заточении? – как можно более небрежно спросил я, когда мы неспешно зашагали гравиевой дорожкой по берегу канала.

– Видите ли, – замаялся Ислентьев, – слухи в городе расходятся быстро.

– Вот даже как, слухи. Ну полно врать-то, – улыбнулся я. – Вас это не красит. А у меня отбивает охоту с вами говорить. – Лоб поручика начал покрываться испариной. – Как вы знаете, я действительно был арестован, но вот теперь на свободе. Понятное дело, я не бежал из-под стражи, меня выпустили. Ну и, конечно же, дело не обошлось без помощи моего дядюшки, который, как вам хорошо известно, чрезвычайный посланник английского короля. Думаю, не надо вам говорить, дорогой мой, что у дяди весьма обширные связи в высшем свете.

– Полагаю, да, – тихо согласился Ислентьев.

– Так вот, о том, что о дуэли донесли вы, мне доподлинно известно. Более того, мне доподлинно известно, что, невзирая на усы и гусарский мундир, вы состоите при тайной канцелярии и по ее поручению были приставлены ко мне соглядатаем.

– Вы хотите, чтобы я дал вам удовлетворение? – собираясь с духом, промолвил Ислентьев. – Я готов. Прошу вас только об одном одолжении: позвольте мне отписать прощальное письмо родителям.

Я остановился.

– Послушайте, Никита. Вы что, всерьез решили, что я собираюсь вас убить?

– Да, – обреченно вздохнул поручик.

– Ну вот еще глупости! У меня и в мыслях этого не было. Я просто избавляю вас от печальной необходимости врать мне в глаза. Мне остается только поблагодарить господ из тайной канцелярии за то, что они прикрепили ко мне столь приятного молодого человека. Хотя, признаться, я действительно считаю это ремесло малосочетающимся с дворянским званием.

Никита печально вздохнул.

– Конечно, вы правы, милорд. Но видите ли, мое дворянство лишь легкая дымка. Вот вы – английский лорд, вы знатны и богаты, и, несомненно, ремесло шпиона несовместимо с вашей честью. Конечно же, вы не станете выслеживать и доносить, как это приходится делать мне.

«Ох, не судите, да несудимы будете», – пронеслось у меня в голове. Задачу следить за леди Кингстон с меня никто не снимал.

– Постарайтесь понять меня правильно, – между тем продолжал гусар. – Я вовсе не пытаюсь оправдываться. Оправдания этому нет. Я пытаюсь объяснить, что привело меня на сей путь. Начать, если позволите, придется несколько издалека.

Мой дед, Джон Исленд, перебрался в Россию в царствие Петра Великого, за пять лет до его смерти. Он был корабельным мастером, а корабельные мастера в ту пору были в большом почете у императора. Вскоре дед перевез в Россию свою семью. Здесь же родился мой отец, названный в честь императора Петра, который был крестным отцом ребенка. Государь повелел отца моего записать курсантом навигацкой школы, с тем чтобы по достижении возраста он учился морским наукам. Писался он вначале Петром Ислендьевым, да в дипломе писарь перепутал и записал Ислентьевым. С тех пор мы Ислентьевыми и повелись. Отец долгой и беспорочной службой выслужил себе чин, а по чину и дворянство. Ныне он помощник коменданта в Выборге. Я же большую часть жизни своей провел с матушкой, которая, надо сказать, была дочерью хозяина портовой гостиницы в Ревеле. Детство и юность мои там, в Ревеле, и прошли.

Пока отец плавал, мать с детьми у деда жила, по хозяйству помогала. Сами понимаете, имения-то у нас никакого, а детей девять душ. Всех обуй, одень, накорми, в люди выведи. Меня вот отец в лейб-эскадрон пристроил. Надеюсь поближе ко двору, авось удастся зацепиться получше. Да видать, не судьба. Жизнь в гусарах стоит дорого, денег чуть, вот и выбирай: либо здесь в долговую яму с головой залазь, либо переводись в армейский полк и труби там лет двадцать пять до пенсионера, подыхая от тоски. Только и надейся, что представится возможность славно сложить голову. А как-то раз меня в тайную канцелярию вызвали да выложили на столе векселя, что я сдуру да по пьяни подписывал у ростовщиков, спрашивают: «Как платить намерен? Срок тебе двадцать четыре часа». А платить-то мне и нечем, жалованья едва на жизнь хватает. Потыкался я в разные стороны, да куда там! Хоть в петлю лезь, а в долговой сидеть, это ж сраму не оберешься. Тут они и говорят: будут тебе и деньги, и карьера, а от тебя-то всего требуется наблюдать и сообщать куда следует. На своих, на гусар, я доносить отказался, а они мне говорят: «И не надо вовсе. На что нам гусары? О них только глухой не знает. Ты, – говорят, – языками иностранными владеешь, вот иноземцами и займешься».

– И что? – спросил я.

– Вот и занимаюсь, – развел руками Ислентьев. – Стараюсь в донесениях своих быть честным и напраслину на людей не возводить. Да только кому это интересно.

– Мне это интересно. А то, что «напраслину» в докладе своем не возводил, про то мне ведомо. И на том тебе спасибо.

– Вы действительно не держите на меня зла? – оторопело произнес поручик.

– Отнюдь. Вы служите отечеству на том посту, на который оно вас поставило. И я полагаю, пусть лучше подобные посты занимают честные люди и патриоты своей страны, а не мошенники, лишенные человеческих чувств.

– Это правда?

– Правдивей некуда.

– Вы не представляете, как я вам благодарен! – Ислентьев схватил мою руку, видимо, пытаясь выразить всю глубину обуревавших его чувств.

– Полноте, – остановил его я. – Я в общем-то пришел за другим.

– Я слушаю вас, милорд. – Голос поручика моментально обрел деловой тон. – Чем могу быть вам полезен?

– Я бы желал вновь видеть вас своим ассистентом.

– Вы опять собираетесь дуэлировать? – Брови Никиты удивленно поползли вверх.

– В некотором роде. Хотя в чистом виде дуэлью это не назовешь. Человек, который не так давно спас мне жизнь, просил отдать долг чести одному нашему недавнему знакомому.

– Кого вы имеете в виду?

– Контр-адмирала Германа фон Ротта.

– Секунданта графа Орлова?

– Его самого, – кивнул я. – Много лет тому назад он, тогда еще не адмирал, ложно обвинил в убийстве и грабеже ни в чем не повинного человека, заставшего его в тот момент, когда он продавал врагу российские военные секреты. Я знаю это наверняка. Кроме того, я знаю наверняка, что сегодня адмирал фон Ротт злоумышляет против императрицы Екатерины и вместе с братьями Орловыми желает лишить ее трона, а может, и самой жизни. – Глаза Ислентьева заметно округлились. – Для меня отдать долг чести – святая обязанность. Для вас же случай открыть заговор против Екатерины – великолепная возможность для успешной карьеры.

– Полагаю, это не шутка? – тихим голосом поинтересовался начинающий контрразведчик.

– Да уж какие тут шутки!

Ислентьев в молчании прошел по берегу ярдов двадцать, по-видимому, обдумывая положение.

– Милорд Вальдар, поймите меня правильно. Я верю вам целиком и полностью, но если вдруг вы ошибаетесь или же если вину контр-адмирала фон Ротта не удастся доказать, лорд Камварон отделается легкими неприятностями, вроде той, что была сегодня. В конце концов, вы сможете уехать в Голландию, Францию, Америку, куда угодно. Для бедного же поручика Ислентьева неудача такого предприятия – конец всего.

– Я понимаю вас, – кивнул я. – Поэтому с фон Роттом мы будем разговаривать один на один. Вас же я прошу быть моим ассистентом, то есть находится за дверью, которую я оставлю приоткрытой, и внимательно слушать все, что будет происходить. Думаю, вы сами сможете решить, когда следует войти.

– Ну что ж, – улыбнулся поручик, – была не была. Я в вашем распоряжении.

Дворецкий, отворивший тяжелую дубовую дверь, с недоумением поглядел на двух незнакомых господ, явившихся в неурочный час в гости к его хозяину.

– Дома ли господин адмирал? – как можно любезнее произнес я, словно собираясь пригласить его на диспут о поэтике произведений Вольтера.

– Его превосходительство недавно прибыли и сейчас отдыхают. Не велели беспокоить.

– И все же, дорогой мой, побеспокойте вашего господина. Передайте ему, что прибыл Вальдар Камдил, лорд Камварон, и что он, то есть я, страстно желает обсудить с их превосходительством кое-какие вопросы чести.

– Слушаюсь, – немного помедлив, проговорил дворецкий. – Как прикажете доложить вашего спутника?

– Не стоит о нем докладывать. Он подождет меня в доме.

– Слушаюсь, ваша честь.

Возвращения дворецкого мы ждали довольно долго. Мы успели изучить весь холл и порадоваться художественному вкусу хозяина дома. Насколько я понимал в оценке антиквариата, совокупная стоимость одних только китайских ваз, украшавших лестницу, ведущую на второй этаж, вплотную приближалась к стоимости восьмиорудийной батареи.

– Контр-адмирал ждет вас, милорд, – поклонился мне дворецкий. – Прошу вас следовать за мной. А вы, господин поручик, можете подождать в гостиной.

Мы поднялись по лестнице. Как я и предполагал, кабинет примыкал к гостиной, так что неудобств с размещением Ислентьева не было.

Фон Ротт встретил меня, сидя за объемистым письменным столом. Аккуратность, с которой были разложены по нему деловые бумаги, казалась настолько странной рядом с причудливыми резными завитками столешницы, что я невольно улыбнулся.

– Признаться, я не ожидал вашего визита, – начал мой визави. – Собственно говоря, чем обязан?

– Дела чести, мой адмирал. Исключительно дела чести.

Внимательные голубые глаза фон Ротта прорезались среди пухлых щек, переходящих в лоб.

– Вот как? – недоуменно воскликнул он. – Если вы полагаете, что ваш сегодняшний арест как-то связан со мной, то можете мне поверить, я здесь ни при чем.

– О, полноте! – махнул рукой я. – Банальная ошибка. Передо мной уже извинились. Комендант просто был не в курсе... Впрочем, что это я? – Я чуть помедлил, чтобы насладиться произведенным эффектом. Соображательные способности фон Ротта напряглись, как снасти во время шторма: он мучительно пытался понять, о чем же таком был не в курсе комендант Санкт-Петербурга, если в тот же день с извинениями отпустил никому не ведомого иностранца, ранившего на дуэли самого Григория Орлова. – Я пришел сюда совсем по другой причине.

– Я слушаю вас, милорд.

– Вы позволите. – Я вытащил кошелек из кармана камзола. – Вот это просили передать вам. – Кошелек лег на столешницу перед адмиралом.

– Что это? – удивленно спросил фон Ротт.

– Посмотрите сами, – улыбнулся я. – Пусть это будет для вас небольшой сюрприз.

Мой собеседник развязал кошелек и вывалил на стол его содержимое.

– Рубли?

– Да, – кивнул я. – Здесь ровно тридцать сребреников. Можете не пересчитывать.

– Что?! – гневно сдвинул брови адмирал.

– Человек, который просил передать вам эти деньги, говорил что-то о судовой казне брига «Ганимед». И еще он просил передать вам привет от Петра Реброва.

– Что?! – вновь взревел гостеприимный хозяин. – Вон отсюда! Наглец! Я не знаю никакого Петра Реброва!

– Полноте, господин контр-адмирал, вы знаете Петра Реброва. В адмиралтейской коллегии хранится список экипажа брига «Ганимед», в котором значится это имя, причем как раз в то время, когда вы были командиром корабля. А вот доклада Петра Реброва о том, как вы продали таблицы стрельб из «единорогов» агенту иностранной державы, в тайной канцелярии еще нет, но он там будет. Вместе с надлежащими доказательствами. – Конечно же, я блефовал. Никаких доказательств у меня не было и быть не могло. Но фон Ротту об этом было ничего не известно. А будучи артиллеристом, то есть человеком, привыкшим иметь дело с числами, он уже сложил как дважды два, что попал в цепкие лапы английской разведки. А уж что могла нарыть по этому поводу английская разведка, известно лишь одному богу.

– Вы пришли меня шантажировать? – все так же нелюбезно поинтересовался фон Ротт, выхватывая из-под шлафрока пистолет. – Глупо, чертовски глупо. Если даже Петр Ребров жив, в чем лично я не уверен, все равно он остается дезертиром. И то, что он видел, никому ничего не докажет – ему никто не поверит. А вас я просто убью. Скажу, что вы были английским шпионом и пытались меня подкупить. Конечно же, денег в ваш кошелек я добавлю...

Мысленно я похвалил выдержку поручика Ислентьева, ибо появление его в эту минуту ломало бы всю игру. Конечно же, фон Ротт уже наговорил себе на вполне весомый приговор, но, по мне, он мог сказать много больше. Я слушал его слова как музыку, потому как с каждой произнесенной фразой петля вокруг шеи бравого адмирала затягивалась все туже и туже. Картинно подняв руки, я с восторгом внимал пылкой речи гневливого собеседника. Хотя, признаться, пистолетный ствол, направленный в мою сторону, был не самым приятным моментом этой сцены. Надежда была лишь на то, что сначала наш сумрачный германский гений выговорится и только потом нажмет на спусковой крючок. Хотя, что мудрить, мне совсем не улыбалось словить грудью птичку, готовую вылететь из железного дупла этого прусского дуба. Тем более что у меня уже был готов ответный спич. В тот момент, когда я поднял руки, из небольшого кармашка, вшитого в левый рукав камзола, выпал маленький жилетный пистолетик, закрепленный на прочном шнуре. Подобный «последний довод королей» был заранее предусмотрен для бесед, требующих веских аргументов, и сейчас он ждал своей секунды.

– Господин адмирал, – улыбаясь как можно слаще, произнес я. – Можно назвать вам, как минимум, три причины, чтобы не нажимать спусковой крючок. Первая: даже если вы меня убьете, Петр Ребров останется жив и дезертиром его не признают, ибо в любом краю, в любом положении на пользу Отечества супротив его врагов умышлял. К тому же документы, подтверждающие вашу измену, останутся в целостности и сохранности и будут предъявлены в тайную канцелярию еще до того, как меня похоронят. Второе: вы приняли меня за английского шпиона, а это ошибка. Там, за дверью, – я перенес вес тела на правую ногу, указывая рукой в то место, где находится дверь, – ждет офицер тайной канцелярии. Он слышал наш разговор от первого до последнего слова и под присягой подтвердит, что вы безо всякого принуждения, по своей

воле сознались в измене. И третье и последнее состоит в том, – я ускорил темп речи, – что я, – небольшая пауза, – выстрелю первым.

При этих словах я рухнул влево в нижнюю стойку, резко выбрасывая руку вперед. Под собственным весом мой пистолетик вылетел прямо в ладонь. Оружие «последнего шанса» было готово к стрельбе.

Конечно же, мое действие было чистой провокацией. Стоило мне заявить адмиралу, что я выстрелю первым, он тут же нажал спусковой крючок. Я искренне надеялся на то, что мой оппонент был все же артиллеристом, а не ганфайтером. А потому попытается словить ускользающую цель, повернув в сторону противника запястье с пистолетом. Попасть в таком случае можно исключительно случайно, а вот повредить руку при выстреле – вне всяких сомнений. Выстрел грянул, и зеркало, находившееся мгновение назад за моей спиной, осыпалось вниз градом блестящих осколков. Фон Ротт взвыл, роняя пистолет и хватаясь за вывихнутую кисть.

На пороге комнаты возник поручик Ислентьев с обнаженной саблей в руке. В другой он держал бронзовую бляху на цепочке, предваряющую вопрос о цели его внезапного визита.

– Простите, адмирал, я ошибался, – скорбно произнес я, принимая подобающую джентльмену позу. – Вы быстрый стрелок. Неловкий, но быстрый. Во всем же остальном, как видите, я вас не обманул.

Фон Ротт перевел взгляд с бляхи тайной канцелярии на меня, мучительно сжал губы в страдальческой гримасе.

– Оставьте пафос, вы еще не в застенках. Итак, у нас налицо измена родине, попытка устранения свидетеля матроса российского флота, попытка убийства офицера российского флота и... – Я сделал эффектную паузу. – Герман, простите, не знаю, как вас по батюшке. Самое интересное для тайной канцелярии: попытка государственного переворота, намечающаяся, если не ошибаюсь, на день Чесменского парада.

– Что за глупости вы говорите? – мрачно кинул фон Ротт.

– Не надо строить из себя идиота, – пожал плечами я. – Как вы думаете, почему я нахожусь сейчас перед вами, вместо того чтобы сидеть в Петропавловской крепости? А раненный мною сегодня Григорий Орлов по указу императрицы малой скоростью направляется в имение, где ждут его, можете мне поверить, весьма худые вести. Вы проиграли, фон Ротт, полностью и окончательно. Спасти вас от петли может только чистосердечное признание. Причем желательно до того, как его дадут все остальные участники заговора. Вы понимаете, о чем я говорю?

Адмирал молча кивнул. В дверях показался дворецкий с алебардой и несколько слуг с кочергами и метлами. Переполошенные выстрелом, они спешили на подмогу своему хозяину.

– Пшли вон, собаки! Тайная канцелярия! В Сибири сгною! – с неожиданным напором рявкнул мой ассистент.

Увидев бляху в руках Ислентьева, подмога поторопилась обратиться в бегство, дабы не искушать судьбу. Усмехнувшись неудаче деблокирующего маневра противника, я вновь обратился к адмиралу:

– Итак, послушайте мое предложение. Вы пишете чистосердечное признание о своем участии в заговоре, сообщаете все, что вы знаете на эту тему, без изыятия и добровольно, но, понятное дело, в сопровождении поручика, следуете в тайную канцелярию. Мы же со своей стороны в этом случае обещаемся забыть все остальные ваши грехи, что дает вам реальный шанс выпутаться из этой истории с наименьшими потерями.

– Разрешите я сяду, – обреченно выдавил фон Ротт.

– Хорошо, только без глупостей. Я не промахнусь.

На губы фон Ротта напозла кривоватая улыбка.

– В это я верю. – Усевшись, он подвинул к себе лист бумаги, чернильницу и, морщась от боли в правой руке, начал писать.

Покаянные записки фон Ротта отняли значительно больше времени, чем я рассчитывал. Герцогиня уже явно ожидала меня на балу, и несвоевременное мое на нем появление вполне могло грозить бедствиями и разрушениями ни в чем не повинной российской столице. Судя по беседе ее светлости с моим дядюшкой, настроена она была более чем решительно.

– Никита, – спросил я Ислентьева. – Ты сам здесь справишься?

– Я думаю, да.

– Вот и славно. Тогда я должен ехать дальше. Сейчас главное, чтоб Алексей Орлов не узнал о нашем визите до времени, – громко произнес я, рассчитывая донести слова не столько присутствующим в кабинете, сколько прятавшемуся за драпировкой дворецкому. – Нельзя его спугнуть.

Бал удался. Остатки сливок общества, вынужденные киснуть в Петербурге посреди лета, привязанные к городу либо делами службы, либо семейными обстоятельствами, беспорядочно бродили анфиладами особняка, представляя возможность собравшимся любоваться богатыми коллекциями минералов, носимых на груди, на шее, в волосах, в ушах, на запястьях и, быть может, даже на лодыжках, но любоваться этим изыском мешал фасон платьев. По танцевальной зале гордо дефилировали высокопоставленные защитники отечества, слепя глаза обилием высоких наград, так что попади на сегодняшнее празднество какой-нибудь астроном, он был бы подавлен и обескуражен таким количеством звезд, обретающихся не на своем месте.

Слухи в этом городе действительно распространялись быстро. Стайка кавалеров от корнета до ротмистра включительно, окружавшая герцогиню, заметно стояла при моем появлении. Тем более что у благородного общества в этот момент сыскалось новое развлечение. Какой-то светский остряк незаметно засунул кусочек лимбургского сыра в карман камзола престарелого сенатора, и тот едва ли не волчком теперь крутился по праздничной зале, пытаясь отделаться от преследовавшего его гнусного запаха. Шутка имела грандиозный успех.

– Милорд Вальдар. – Леди Кингстон благосклонно склонила головку, озаряя меня дежурной улыбкой. – Я весьма рада вас видеть.

– Я обещал быть, ваша светлость. – Поклон мой был шедевром поклонного искусства. Думаю, не здесь, так в Китае такое должно было существовать. – Я не мог обмануть ваших ожиданий.

– Вы очень любезны, друг мой. – Герцогиня подала мне руку для поцелуя. Я приложился к ней губами, оставаясь до конца галантным кавалером.

Во всей этой встрече был какой-то подвох. Не то чтобы что-то в ней было неправильно, но в словах и жестах хозяйки торжества я не чувствовал чего-то до боли необходимого. Искренности, что ли? Впрочем, вздохнув, я списал это на бальную суету.

– Милорд Вальдар, – услышал я голос ее светлости. – Я была бы весьма рада, если бы вы написали несколько строк в моем альбоме. – Она протянула руку, почти повелевая сопровождать ее к столику, где на обозрение гостей была выставлена своеобразная книга отзывов и замечаний, обтянутая пурпурным сафьяном. – Посмотрите, – прошептала она, перелистывая страницы, проложенные тончайшей рисовой бумагой, – здесь расписывались замечательные люди. Вот это рука Вольтера, вот Поуп, это Дидро. Я вам потом как-нибудь расскажу о нем массу забавных вещей. Это написал король Георг, батюшка нынешнего короля Георга. А вот здесь автограф императора Фридриха. Да, обратите внимание, вот этот сонет посвятил мне лет девять назад ваш дядюшка. Прелестные стихи.

Я скользнул взглядом по альбомному листу. Рядом с ровным, как шеренги солдат на плацу прусского императора, росчерком моего дяди красовался вполне отчетливый чернильный отпечаток пальца.

– Он так волновался, – пояснила леди Кингстон, замечая, куда направлен мой взгляд, – что посадил кляксу на столе, а я, когда брала альбом, сразу не заметила. Рукав, пальцы – все

перепачкала. Конфуз был необычайный, – нежно ворковала она, улыбаясь своим воспоминаниям. – Однако все это было очень давно. Надеюсь, вы порадуете меня чем-нибудь?

– Постараюсь, миледи.

– Тогда не буду вам мешать. Полагаю, попозже вы пригласите меня танцевать. Я оставляю для вас любой танец по вашему выбору. – Она помахала мне пальчиками и удалилась, сопровождаемая шлейфом кавалеров.

Чужой души потемки – словно ночь,
Однако ночь темна лишь до рассвета, – выводил я, —
Когда ж душа дорогу ищет к свету,
Она потемки изгоняет прочь...

Мажордом появился на пороге залы и, грохнув посохом об пол, протяжно объявил о прибытии новых гостей:

– Граф и графиня Калиостро!

Глава девятая

*Либо вы часть проблемы, либо вы часть ее решения.
Элдридж Кливер*

Атмосфера всеобщего ликования, воцарившаяся в зале, наводила меня на грустные мысли. Из-за своей толстокожести я никогда не мог понять восторга, который охватывает толпу в связи с приездом очередной знаменитости. Впрочем, женщины, туго затянутые в корсеты, и сами по себе находились в полуобморочном состоянии, а уж подобная новость и подавно вызывала резкий прилив крови к голове со всеми вытекающими отсюда медицинскими последствиями. Заразить же своим настроением мужчин для прекрасных дам и вовсе дело пустяковое.

Дождавшись окончания рукоплесканий, я активизировал связь:

– Дорогой дядя, у меня для вас радостная новость...

– Фон Ротт раскололся?

– Да, раскололся. Сейчас пишет добровольную явку с повинной. Но я не об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.